

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

КАРДИНАЛ В

СЕРОЙ

ШИНЕЛИ

Рыцарь в серой шинели

Александр Конторович

Кардинал в серой шинели

«Автор»

2012

Конторович А. С.

Кардинал в серой шинели / А. С. Конторович — «Автор»,
2012 — (Рыцарь в серой шинели)

Достиг я высшей власти... Да, независимый лорд и жуткая фигура, внушающая страх окружающим. Никто не посягнет на завоеванное. Никто? Увы, желающих более чем достаточно. Королю не по нраву слишком уж непокорный правитель богатых земель. Ордену молчащих братьев надо истребить своего старого врага. А воинственным горцам не интересны ни те, ни другие – разбойники привыкли грабить в одиночку. Но против неуступчивого лорда объединяются все. А на горизонте маячит и вовсе мрачная фигура соседнего монарха... Что может сделать наш современник в такой ситуации? Уйти, спасая свою любовь и будущего ребенка? Это можно, почетное отступление будет всем выгодно, преследования не будет. Но прошедший горнило Афгана и выживший в безумство перестроечных годов солдат не имеет права на предательство людей, которые ему поверили.

Александр Конторович

Кардинал в серой шинели

– Становись!

И, лязгнув металлом, шеренга солдат опускается на колено. Снова лязг – и над поставленными на землю щитами вырастает густой лес пик. Их задние концы уперты в землю, а древки укреплены в специальные выемки на верхнем крае щитов.

Хриплая команда – и вторая шеренга солдат вскидывает арбалеты.

А на их плечах уже лежат пики третьего ряда.

М-м-да... тот еще ежик получается.

– А скажите мне, капитан, – поворачиваюсь я к командиру отряда. – Отчего у вас вторая шеренга с арбалетами, а не с копьями? Вы же, как я понимаю, против конницы выстроились?

– Нет, милорд, – отрицательно мотает он головой. – Это против пехоты построение. Против кавалерии, как вы правильно заметили, пики держат оба первых ряда. И арбалетчики стреляют по верх голов солдат второго ряда. Цели-то крупные, видно их хорошо. А в данном случае, пока пехота не подойдет близко, можно пренебречь тем, что пики третьего ряда иногда будут отклоняться от прямой линии. Зато последний залп арбалетчики сделают почти в упор, выбив самых сильных бойцов противника. И уже после этого уйдут в глубину строя. Пехотинцы же третьего ряда не так устанут, держа свое оружие на весу. Они смогут действовать своими пиками со всей силой.

– Вот как? Интересно... не встречал я такого построения раньше... Сколько же времени надо готовить солдат, чтобы они действовали настолько слаженно, как ваши?

– Год! Это в самом лучшем случае! Если учить уже опытных бойцов.

Краем глаза вижу утвердительный кивок барона.

– Вы согласны с капитаном, Лэн?

– Да, милорд! Его солдаты действительно очень неплохо обучены.

– И пробить такой строй...

– Можно, конечно. С очень серьезными потерями. Все, что сделано руками или построено человеком, можно сломать, милорд. Но иногда – очень дорогой ценой. Как в этом случае.

– Так значит, отряд капитана...

– Стоит тех денег, которые он за них просит.

– Ну что ж, капитан Байер! Считайте себя принятым на службу.

– Как обычно, милорд?

Слава Всевышнему, меня успели просветить на этот счет. Так что полным лопухом я уже не выгляжу.

– Да, капитан. Один год и один день. Оплата вам пойдет с завтрашнего дня. Поступаете под командование барона Вольте.

Лэн вежливо наклоняет голову.

Капитан вытягивается и резким кивком приветствует своего командующего.

– По всем вопросам, Байер, можете обращаться к барону. В исключительных случаях, если он отсутствует или очень занят, ко мне или к сержанту Лексли.

– Сержанту? – капитан явно удивлен.

Лексли поворачивается боком, демонстрируя кошачью морду на рукаве, и Байер понимающе наклоняет голову.

– Я все понял, милорд...

Лязгая железом, колонна солдат втягивается в ворота. Неплохо! Каждый бы день такие гости...

Худо-бедно, а две сотни солдат (и неплохих солдат!) у нас еще прибавилось. Сотня копейщиков, шестьдесят мечников и сорок арбалетчиков – тот еще подарочек для непрошенных гостей!

Этот отряд привели монахи. Обычные наемники, но хитропоп отчего-то был в них уверен. Не буду спорить, я уже не раз убеждался, что в таких вот вопросах он обычно не ошибается. Так или иначе, а только хорошо обученных солдат у нас собралось уже почти семь сотен. Из лесов, по зову барона, пришли лучники. Не так много, как я ожидал, но стрелки это были... Даже Лексли крикнул от зависти! Что, вообще-то, было очень редким явлением.

Работали эти парни не только луками. Арбалеты тоже у многих имелись. Не помню уже, сколько по нашим правилам (в смысле – земным правилам, современным) лучнику надо было держать в воздухе стрел. Пять, шесть?

Но эти парни запросто держали четыре. То есть, пока первая стрела еще не упала на землю, лучник выпускал уже четвертую. Причем это делали все! А некоторые и пять штук ухитрялись подвешивать. И это была не торопливая стрельба куда попало! Все стрелы, упав на землю, втыкались недалеко друг от друга. Так что и собирать их было легко. Да и по лесу эти ребята ходили знатно. Тихо и незаметно. Посмотрев на их упражнения, я распорядился заказать сразу три воза стрел. Таким стрелкам они точно не в нагрузку будут.

Так, общими трудами, замок понемногу начал походить на то, чем он изначально и должен являться – на крепость. Уже грозно поблескивали на стенах копыя стражников. Покачивались на цепях котлы со смолой. И ветерок ворошил растопку в дровах, сложенных под ними. Щедро стимулируемые медяками, таскали булыжники на стены местные сорванцы. Будет что сбросить на голову слишком уж назойливым визитерам.

Стараниями управляющего пополнялись замковые кладовые. Там и без того добра хватало, но Логен, получив недвусмысленный руководящий «одобрямс», развернулся во всю ширь своей души. Одного вина привез откуда-то чуть не два десятка здоровенных бочек! На мой недоуменный вопрос он кивнул в сторону Котов.

– Они сказали мне, что во время осады вином разбавляют воду, чтобы солдаты не заболели от плохого питья.

– Э-м-м... Но в замке два источника с водой! И цистерны есть. Огромные – хоть купайся!

– Я тоже так думал... – смущается он. – Но господин сержант... он сказал, что я неправ... Лексли!

Любитель халявной выпивки!

Ну, погоди... уж я тебе припомню эту воду!

– Логен, – беру я управляющего под руку, – сколько бочек с вином у нас в подвалах?

– Э-э-э... около двухсот, милорд!

– А чем таким отличаются вот эти, что я перед собою вижу?

– Они больше, милорд!

– Намного?

– По сравнению с обычными бочками – раза в два. Но дело не только в этом. То вино, что я привез, оно с Андальских виноградников!

Похоже, что я окончательно отстал от жизни – мне это название ничего не говорит. Но руководящий втык я все равно сейчас кому-то обеспечу...

– Откуда, Логен?

Мирна!

Подошла тихонько, действительно, как маленький котенок.

– Э-э-э... с Андальских виноградников, миледи!

Вот как? Слуги уже именуют ее таким образом? Вообще-то это мне укор! Расслабился, понимаешь... совсем совесть потерял! Война да мордобой, а про девушку забыл! Ладно, я

сам – какой-никакой, а законный лорд. А вот она? В каком качестве тут пребывает? А ведь ей уже рожать скоро!

– А с каких именно, Логен? С нижних или...

– С верхних, миледи! С верхних! Сержант мне особо это подчеркивал!

– Тогда распорядитесь поднять одну бочку ко мне в мастерскую. И перелейте его в бочонки поменьше.

– Слушаюсь, миледи!

Комкая в руках шапку, он низко мне кланяется и вопросительно смотрит на бочки. Ладно уж... повезло кое-кому...

Получив мое соизволение, управляющий исчезает, а я поворачиваюсь к сероглазке.

– Слушай, а чем таким особенным интересно именно это вино?

– На верхних виноградниках растет очень редкий виноград. Вино из него обладает целебными свойствами, а вот пьянит не так сильно, как обычное. В старое время короли снабжали им свою гвардию, чтобы те были более сильными и здоровыми. И неукротимыми в бою.

– А сейчас? Уже не снабжают?

– Дорого. В казне мало денег. Во всяком случае, так говорят.

– Ага! Значит, надо и Старику послать парочку бочек! Или даже больше... у нас их тут два десятка как-никак! Не надо быть совсем уж зажавшейся свиньей!

– Ты не свин! – маленькая ладошка нежно гладит меня по щеке. – Просто у тебя очень много всяких дел...

– Ну, да! И оттого я так на тебе и не женился официальным образом! Ну, ничего, вот уж эту-то ошибку я исправить могу!

Она убирает руку и смотрит на меня каким-то усталым взглядом.

– Ты все-таки это сказал...

В следующую секунду мое плечо намокло от ее слез.

– Ну, что ты? Что ты? – осторожно придерживаю ее голову и поглаживаю неуверенной рукой по затылку. – Ты чего? Все хорошо, я рядом!

– Я так ждала этого момента... и так боялась...

– Отчего же?

– Серые не женятся и не заводят семью.

– С чего ты это взяла?

– Все это знают.

– Ну, а я такой вот, весь из себя необычный! Да и кто сказал, что это непреложный закон? Давай главпопа на эту тему поспрошаем!

Надо сказать, что и Эрлиха я своим вопросом немало озадачил. Минуты две он сидел молча, собираясь с мыслями. Потом его лицо просветлело.

– То есть, сын мой, ты хочешь, чтобы я освятил ваш союз?

– Ну, а как это еще тут называется? Освятил, обвенчал... Я хочу, чтобы Мирна стала моей законной женой!

– Хм... Серый рыцарь в церкви... это было. А вот чтобы церковь провела над ним обряд...

Он возбужденно вскакивает с лавки.

– Да! Сам Господь вложил в твою голову эту мысль!

Разве? Я-то вообще был уверен в том, что на эти мысли меня натолкнул управляющий. Но... епископу, в конечном итоге, виднее. Он к Богу ближе, стало быть, ему в этом вопросе и окончательные выводы делать.

Но прислушавшись к словам Эрлиха, я начинаю понимать, какой я, в сущности, еще дилетант в политике. Со слов епископа выходило примерно следующее...

Согласившись быть обвенчанным в церкви, я, тем самым, косвенно признавал ее верховную власть. Пусть и не абсолютную, но все же... А вот ей я давал в руки мощнейший аргумент для пропаганды. Официально причислив Серого к своей пастве, попы признавали всех моих коллег (как прошлых, так и последующих) однозначно стоящими на стороне добра. Пусть и с некоторыми завихрениями. Бывает... никто не совершенен... Помимо этого, таким вот шагом, церковь безоговорочно отбирала у короля инициативу. Теперь уже он, отзывая свои войска и препятствуя им оказать мне помощь, становился в весьма двусмысленную позу. Если попы однозначно признают меня своим и стоящим на стороне добра (а иначе не обвенчают), то на чьей стороне тогда стоит король? Косвенно он потакает силам зла. И как ни поверни, а по-другому не получается.

Немало подивившись такой вот трактовке обычного, в общем-то, явления, задаю вопрос в лоб – когда?

Здесь Эрлих был непреклонен.

– Церемонию над таким человеком должен проводить один из высших иерархов церкви!

– То есть, вы?

– Нет. Во всяком случае – не я один. Разумеется, мы напишем епископу Гройнену и попросим его прибыть сюда незамедлительно! Ты не представляешь, сын мой, как много будет это значить для простого народа!

Да уж... не такой я лопух, ваше преосвященство. Отныне все мои действия разом выводятся из-под определения колдовства! Какое этому попы придумают объяснение, не знаю. Но уверен в том, что уж за этим-то дело не станет... головы у них работать могут! Так что, любезный Эрлих, не только на вашей улице праздник. У меня их – так сразу два. И женат, наконец, на любимой женщине, да и не колдун, даже и не подозреваемый в этом деле... Есть повод для веселья!

Неожиданно близко к сердцу воспринял эту новость Лексли. Нет, я знал, что все Коты очень к сероглазке расположены, но не предполагал, что уж до такой степени. Как ни стремился я сделать это событие чисто «семейным», так сказать – хрена у меня вышло! Замок загудел, как взворощенный муравейник. Блин, тут война на носу, каждый день по окрестностям мотаемся, а они... Но неожиданно оказалось, что мне лично ничего особенного делать и не надо. Так, явил пару раз озабоченную морду перед лицом городских и сельских властей, покивал с умным видом, одобряя их приготовления – и снова по лесам скакать. Как оказалось, горожане тоже изъявили желание поучаствовать в данном торжестве. Благо, саму церемонию решено было проводить не в замковой часовне, а в городской церкви. Она и размерами побольше, да и для этой цели подходит куда лучше, чем часовенка у меня в крепости.

Мирну теперь все время окружала целая толпа каких-то теток, которые постоянно чем-то ее отвлекали.

В один прекрасный день меня отловил в коридоре один из наших спецмонахов.

– Милорд! На пару слов...

Брат Рон оттаскивает меня в сторонку.

– Ну, чем ты меня решил нагрузить? Не лорд – а вьючная лошадь! Кто только не сваливает на меня свои проблемы!

– Могу ли я просить вас уделить мне несколько минут?

– А что я сейчас делаю?

Он выводит меня во двор. Здесь, в тенистом уголке, сидят три молоденькие монашки, во главе с почтенной матроной в монашеском одеянии. Увидев меня, они степенно поднимаются.

– Сестра Марта, – представляется матрона.

– Очень приятно, сестра! Рад вас видеть у себя в гостях.

– Увы, милорд! Гостить мы у вас, возможно, и будем, но это произойдет еще не скоро...

– Э-м-м... Брат Рон, может быть, ты пояснишь мне, что бы это все означало? А то я как-то вот и не врубаюсь сразу...

– Охотно, милорд. Про наш Орден вы уже знаете...

– Ну, ясен пень! Немудрено, если каждый божий день вижу вас перед глазами.

– Так вот, милорд, в нем есть и женщины...

– А детского отделения у вас там, случаем, не предусмотрено?

– Надо подумать, – на полном серьезе отвечает мне спецмонах.

Смотрю в его серьезные глаза и проглатываю шутку насчет ясельного отделения. С них, пожалуй что, и станется...

– Так вот, милорд, – продолжает брат Рон. – Эти сестры будут находиться около Мирны. Постоянно. Ничего подозрения это не вызовет.

– А не проще приставить к ней парочку Котов?

– И они спасут ее от арбалетного болта?

– Ну... для такого случая есть шкура этого... как его...

– Мирна будет ходить в ней постоянно? Тогда двух Котов явно недостаточно.

– М-м-да...

– Не стоит провоцировать наших врагов к нападению издалека. Пусть подойдут поближе...

– Хорошо. Допустим, что они подошли. Ну, совсем уж дуболома двухметрового не пошлют... но вот нормального, крепкого мужика – очень даже возможно. И что сестры с ним сделают? Ведь им нельзя проливать кровь? Как и любому монаху?

– В исключительных случаях – можно. На этот счет есть специальная энциклика...

– Ладно – уговорил! Давай-ка Лексли кликнем.

Через двадцать минут он приводит двоих Котов.

Рон оглядывает их и кивает.

– Сестра Магда...

Встает одна из молодых монашек.

– Да, брат Рон.

– Покажите...

Монашка выходит вперед.

– Я вас попрошу... коснуться меня.

– Чем? – интересуется старший из пришедших Котов.

– Все равно...

Он пожимает плечами... и на солнце молнией вспыхивает меч! Сверкающая полоска стали устремляется к монашке, и мне на секунду становится страшно. Йайдзюцу в чистом виде! Я бы вот так и не сумел, пожалуй.

Бдзынь! Ш-ш-ш!

И описав дугу в воздухе, клинок отлетает в сторону. Кот не выпустил его, но так это же Кот! Любой другой на его месте, да и я сам, уже разглядывал бы пустые ладони.

Сестра Магда опускает руки, и широкие рукава ее одеяния, соскользнув вниз, скрывают металлические наручи на предплечьях. Или я рыжий – или эти фокусы из арсенала настоящих ниндзя. Точно, я про это где-то читал... Да, наши миры пересекались частенько, раз монахи используют такие штучки.

– Впечатляюще... а ежели голыми руками попробуют?

– Показать, милорд? – поворачивается в мою сторону монашка.

– Да, ладно... верю. Брат Рон, а вот то, что я вам показывал...

– Уже изучают. На это требуется время, как вы понимаете, милорд. Но сестрам наши записи передали, так что можете не переживать на эту тему.

– Убедил. Мирне сами скажете?

– Да, милорд. Не беспокойтесь об этом.

Ну вот, еще один кирпич с души. Я и вправду уже не раз думал о том, что ставя себя по привычке на место моих оппонентов, не нахожу более уязвимого участка своей обороны. Сероглазка по-прежнему ездит по округе. Сопровождение ей, конечно же, выделили – двух стражников из числа людей барона. Но надо четко понимать, что против внезапного нападения из засады – это не катит. А вот такое незаметное и вполне логичное сопровождение – самое то. И вопросов никаких не возникнет ни у кого, да и интереса нездорового не вызовет. Монахи в последнее время тут вполне себе примелькались. Стали совершенно обыденной частью окружающего пейзажа. Станут ими и монашки, тем более что их совсем мало. А по подготовке своей они очень даже ничего... Да и личики... тоже вполне себе соответствуют. Опять же – монашки, стало быть, и кобеляжа ненужного со стороны окружающих не будет. Ряса, она, знаете ли, малость дисциплинирует... и спрятать под ней много чего можно.

Продолжая прерванный путь, забегаю к нашим кузнецам.

Надо сказать, что сидя вечерами за обдумыванием различных аспектов предстоящей нам войны (а в том, что таковая последует, никто и не сомневался), мы, совместными мозгонапрягательными трудами, измыслили-таки некоторые незначительные новшества в нашем снаряжении и вооружении. На значительные просто не хватит никаких сил. И времени – вот это самое основное, в чем у нас дефицит.

На пороге кузницы сталкиваюсь с Гантом – он у нас тут за главного. Мужик степенный и уже в возрасте – под полтинник. Для этого времени – почти старик. Но крепкий и жилистый. Молот в руке держать еще может и зоркости глаза пока не утратил. Помимо традиционного уважения к лорду, он испытывает ко мне еще и вполне профессиональное почтение. Вот уж не думал, не гадал, что мои отрывистые и несистематизированные знания о некоторых аспектах металлообработки принесут здесь пользу. Да еще какую! Поначалу мои слова вызвали у него только вежливую улыбку. Мол, мели Емеля – твоя неделя! Но по мере того, как он вникал в них, эта улыбка из вежливо-снисходительной, постепенно перерастала в удивленно-уважительную. Дядя врубался... Врубившись же в тему, стал моим горячим сторонником.

– Здорово, мастер! – хлопаю Ганта по плечу. – Чем порадуешь?

– Вот, – подводит он меня к верстаку. – Посмотрите сами, милорд...

На нем лежит добротная, крепко сделанная кольчуга. В падающем свете тускло поблескивают вороненые кольца густого плетения.

– Впечатляет! А как удар держит?

– Получше старых, милорд! А если поверх вашего поддоспешника надевать – то еще больше это видно. Мы свинью в этой кольчуге на полном серьезе мечом рубили.

– И?

– Померла, конечно... Но в старой кольчуге такой же боров вообще с первого удара скопытился. Так что, не сомневайтесь, милорд, завтра же всех подмастерьев за работу усажу. Начнем с баронских солдат, потом и за остальных примемся.

Идею амортизирующего поддоспешника я самым нахальным образом скоμμуниздил у изобретателей бронезилета «Грань». Довелось мне его, в свое время, отстреливать. Вот и поговорил с изобретателями... А однажды – так на собственном горбу испытал. Выезжал вот, как-то, на задержание. В этом самом бронезилете. Я тогда видеокамеру на плече таскал. Была у нас одно время такая вот мода – криминалистов на совместные задержания высылать, чтобы все на видео фиксировали. Так же быстро она и закончилась, ибо толку от этих съемок оказалось немного. А уж когда, помимо моего случая, еще пара-тройка ребят свое огребла... и вовсе на нет сошла.

В этот же раз, забегаю следом за ворвавшимся в здание ОМОНОм, я совершенно закономерно, зевнул уцелевшего бандюка. Закономерно оттого, что здоровенный «Панасоник М7» полностью перекрывал весь обзор справа. А в видеоискатель камеры, да еще и в полумраке, ни

хрена видно не было. Что уж там подумал бандюган, увидев забегающего с какой-то здоровенной хренью на плече мужика, неизвестно. Но со страху он выпустил по мне остаток магазина. Попал тремя пулями. В грудь. Вот и полетел я кубарем назад. Причем гораздо быстрее, чем входил. Порвал на заднице брюки (новые, блин, только купил!). И все. В смысле, что только этим и ограничилось. Бронежилет пули не пробили. Синяк, понятное дело, остался. Поперхал я недельку, на сем это и завершилось. Даже ребра не треснули, что было вообще удивительно. Спецы-конструкторы мне тогда объяснили, что все дело в особой конструкции бронежилета, которая распределяет удар по большей площади, чем это обычно бывает.

Вот и предложил я недавно Ганту, наряду с некоторыми мыслями относительно закалки и качественного воронения поверхностей, еще и такой вот «поддоспешник» сварганить.

И теперь смотрю на результат...

– Ну, что? Могу тебя поздравить, мастер!

Есть с чем! Если все у нас закончится нормально, то ему теперь до конца жизни работы хватит. Подобные вещи тут еще не скоро делать станут. Стало быть, один монополист уже появился. Так сказать, местный Крупп. Ну, и ладно, Гант дядька правильный и серьезный. Уважаю таких специалистов.

– Барон видел?

– С утра еще заходил. Бочонок вина прислал, от себя. Сказал, что окажет любую помощь, лишь бы мы скорее работали.

Ну, главнокомандующего понять можно. Лэн далеко не новичок в военном деле и понимает, что значит хороший доспех. Ну, и ладно. Здесь уже и без меня все на мази, пусть кузнецы работают. Помощь им барон окажет, какую потребно, глядишь – и уменьшим свои потери. Хоть на чуток, так и это уже хорошо. Чуток здесь, чуток там... С миру по нитке – нищему на «Мерс»! Каждый бы день такие вот новости!

Нетерпеливо ожидаемый нами епископ прибыл через четыре дня.

Заранее предупрежденные охраной, мы все вышли к воротам, чтобы его встретить.

Даже на первый взгляд, прибывшему было... старый он, а по местным меркам – так вообще уже патриарх. Судя по тому уважению, которое высказывали при общении с ним епископ и его сослуживцы, авторитет у деда и вовсе заоблачный. На моей памяти, так даже и президента не приветствовали. Причем было видно, что это уважение отнюдь не дань возрасту или должности. Формально, так они с Эрлихом и вовсе равны. Но... это формально. Насколько я уже успел уяснить, кого-то вроде Папы или Патриарха тут не имелось. Все серьезные вопросы решало собрание епископов и архиепископов. Но последних было всего трое. И находились они вообще где-то в недостижимой дали. Да и собраний, за всю историю церкви, насчитывалось не так уж и много. Созывы их, даже и по чрезвычайным обстоятельствам, являлись делом весьма хлопотным и долгим. А в этом королевстве самым авторитетным церковным деятелем был как раз наш гость.

Эрлих и прочие служители церкви подходят под благословение старика. На удивление он оказывается весьма живым и расторопным. Скупые движения его очень точны и выверены.

Ну, вот и моя очередь подошла.

Вежливо приветствую почтенного гостя. Благословив меня, он неожиданно кладет мне руку на плечо.

– Сын мой... надеюсь, дела твои могут обождать хоть немного?

– Да, ваше преосвященство. Не волки, в лес не убегут.

Он удивленно приподнимает кустистые брови.

– Как это?

Поясняю ему смысл старой пословицы.

Гройнен поджимает губы.

- Да... тот, кто это придумал... явно не относился к образцам трудолюбия.
- Это вы, ваше преосвященство, еще и других таких пословиц не слыхивали. Представлю себе, как бы вы характеризовали тогда тот мир, откуда я к вам попал.
- Уж лучше и не пробовать, – соглашается епископ. – Проводишь старика?
- Охотно, ваше преосвященство. Что хотите посмотреть?
- Ну... в тот подвал я сейчас не пойду. Стар я... так сразу на это решиться трудно. Мне надо укрепить свою душу и сердце. А вот поговорить с тобой, сын мой, хотелось давно.

Повелительным жестом он останавливает прочих встречающих, и мы с ним вдвоем неторопливо идем по двору замка.

– Расскажи о себе, – говорит епископ. – Разумеется, я читал то, что мне присылали. Но одно дело – читать чьи-то отчеты и совсем другое – говорить с живым человеком.

– Что же вы хотите обо мне услышать, ваше преосвященство?

– Но ведь ты не упал с небес сразу таким, каким я тебя вижу? Где-то же родился, жил, что-то при этом делал?

– Хм... ну, да, это так. Но в моей жизни нет ничего особенного... Служил в армии, воевал, потом ловил убийц и воров... Обычная жизнь.

– Ткни пальцем в любого здешнего крестьянина и убедишься, что он и за всю свою жизнь не только не испытал ничего похожего, но о большинстве таких вещей даже и не слыхивал. Говори, я тебя слушаю...

Свита епископа и все встречающие их лица уже давно ушли в замок. А мы с ним все еще прохаживались по двору. Даже на стену поднялись. Тут уже старик присел на лавку, все-таки возраст давал себя знать. По моему знаку часовой сбегал на кухню и притащил оттуда баклагу с квасом. Опробовав его, Гройнен удовлетворенно кивает – понравилось!

– ...ну вот, как-то так все и происходило... – заканчиваю я, наконец, свое повествование. – Утомил я вас такими подробностями, святой отец?

– Не скажи! – неожиданно живо возражает он. – Твоя жизнь... знаешь, это только на первый взгляд неинтересно! Тебе неинтересно, ибо ты ее прожил. А вот для меня, для всех нас! Тут много чего можно полезного понять. Не принципы устройства каких-либо машин и механизмов, это хоть и важно, но далеко не самое главное. Вот то, как вы жили... и почему именно так, а не иначе? Тут есть над чем подумать... Многое из того, что ты рассказал, я принять не могу. Даже и мысленно.

– Ну, ваше преосвященство, я тоже здесь не всему был рад.

– Например? – он вопросительно наклоняет голову набок.

– Да хоть эти ваши порядки относительно розыска преступников. Думаете, приятно сидеть в камере, сознавая, что ты сидишь тут абсолютно несправедливо?

– Согласен с тобой, неприятно. И очень тяжело.

– Ну, можно подумать, вам самому так приходилось отсиживать!

– Приходилось.

– Да ну?!

– Пять лет.

– Э-э-э...

– Дед нынешнего короля заточил меня в крепость. Официальная причина – участие в заговоре против короны. Твои же Коты меня туда и привезли.

– И церковь смолчала?!

– Я был тогда молодым человеком. Наследником древнего рода. И позволял себе многие высказывания, которые не нравились королевским чиновникам. Хотя, по правде сказать, заговора не было. Были глупые речи молодых сорванцов, ненужная бравада и фанфаронство... А

тогдашний король был жестким и бескомпромиссным властителем. Вот нас всех и упрятали... на некоторое время. Кому-то хватило года.

– А вам?

– Видимо, меня сочли слишком упрямым... Тогда я и пришел к своему служению. Много осознал и понял...

– И простили своего обидчика?

– Я короновал его внука, теперешнего короля.

– Однако! – чешу затылок. – Вот уж не ожидал! Мне бы ваше терпение... А то вот рублю сплеча, даже и не задумываясь. Наверное, как-то иначе можно...

– Можно. Только надо понимать, когда и как именно.

– И вы понимаете?

– Увы... – разводит руками епископ. – Тоже далеко не всегда.

– Но как же вот так вышло, что вы стали епископом? Я-то думал, что к этому надо всю жизнь идти.

– Так я и сейчас на месте не стою. Учиться, сын мой, никогда не поздно.

– Блин, но не сидя же пять лет в тюрьме! Наверное, как-то иначе можно?

– У всех по-разному. Каждый из нас приходит к служению по-своему. Больше половины наших епископов пришли в церковь уже вполне сложившимися личностями. Да взять хотя бы и молодого барона Ройгена!

– Кого?

– Епископа Эрлиха. Он пришел в церковь с военной службы. Тогда он был капитаном, причем одним из самых молодых. Мало кому удавалось продвинуться по службе так быстро.

– Так он бывший военный?

– Тяжелая панцирная конница. Командовал там отрядом всадников.

– Ничего себе! Боевой мужик, оказывается!

– Как и половина высших иерархов нашей церкви. Видишь ли, сын мой, от слова военачальника зависит жизнь его отряда. А от слова священника... иногда зависит гораздо больше. Не только жизни людей! Не научившись подчиняться – не станешь командиром. Не можешь командовать сотней – не берись за тысячу!

Да... под таким углом зрения я на здешних попов как-то и не смотрел. Теперь некоторые непонятные мне ранее вещи становятся более объяснимыми. Ясно теперь, откуда в церкви появились спецмонахи с их жесткой дисциплиной и иерархией. Хм, а вот воинских подразделений у них нет! Хотя – вполне могу себе представить, какими они были бы.

– Да уж, ваше преосвященство, озадачили вы меня! Не знал я таких вот подробностей.

– Отчего ж не спросил?

– А рассказали бы?

– Ты на одной стороне с нами. Один у нас враг, стало быть, нет причин чего-то от тебя скрывать. Церковь, как организация, рискует меньше. Не раз уже терпели мы поражения, но всякий раз снова поднимали голову. А у тебя жизнь одна... и не очень-то она легкая и приятная. Есть, что терять.

– Спасибо за откровенность, ваше преосвященство. При случае спрошу кого-нибудь. Если увижу что-то непонятное.

– Спрашивай. А сейчас... наверное, надо идти к тем, кто нас давно уже ожидает. Ты прав, сын мой, времени у нас мало, а дел много. Да и к дождю дело идет, лучше уйти под крышу.

– К дождю?

– Посмотри на зубцы «каменной вдовы», видишь – они подернулись дымкой? Значит, скоро будет дождь.

– «Каменная вдова»? Кто это?

– Ты не знаешь? – удивляется Гройнен. – Да вот же она – перед тобой!

Его сухая рука указывает на старую башню.

– Э-м-м... А я и не знал, что у нее есть свое имя!

– Так что же тебе не рассказали об этом прошлые жители зам... прости старика, совсем запамятовал! – он совершенно по-стариковски качает головой. – Все верно, кому было рассказывать-то?

– И что, рассказ был бы интересным?

– Да как тебе сказать... Про эту башню сложено множество легенд. Как ты думаешь, давно ли она здесь стоит?

– Ну... она старше других построек замка. Лет на пятьдесят, я полагаю.

– На сто.

– Ого!

– Ты заметил, что она отделена от остальных построек?

– Разумеется! Стена и в ней ворота. Даже под землей двери есть.

– И что все они запираются снаружи?

Опаньки, а вот этого-то я и не усек! Вернее, не совсем так. Увидел, но внимания особого не обратил. А сейчас выходит, что обитатели замка отгораживались от башни? Да... никакого другого объяснения такому расположению запоров просто больше не найти. И эта система затопления коридоров... тоже ведь не просто так придумана, надо полагать.

– Ваше преосвященство, а для чего такие сложности? Башня эта, что, кому-то другому принадлежала? Не хозяину замка?

Епископ встает и начинает спускаться вниз по лестнице.

– Видишь ли... я и сам, признаться, немного об этом знаю. Но башня простояла запечатанной шестьдесят лет! Тогдашний епископ наложил запрет на ее посещение и, надо думать, что у него были к тому причины. Были заперты и опечатаны все ворота и двери, перекрыты коридоры, ведущие к ней под землей. Некоторые – так и вовсе засыпали.

– Но почему? Эта башня – отличная оборонительная позиция!

– Знаю. Но на замок никто уже не напал более ста лет. Те, кто хотел это сделать, отчего-то быстро отказывались от такой мысли. Если успевали до этого дожить.

И неудивительно, если вспомнить про то, что находится в его подвалах. Уж силенок на то, чтобы отвести превратности войны от своего святилища, Молчашие точно не пожалели бы. Скорее всего – и не жалели.

– Так отчего же башня открыта сейчас?

– Предок графа Дарена обратился к епископу с такой просьбой. Прибыл священник, отслужил службу, и печати сняли.

– Ну вот, видите? Ничего же не произошло!

– Угу. Если не считать того, что это место не рекомендуется посещать женщинам. Она ревнует...

– Да ладно...

– Ни одна из жен графов не могла родить дитя в этом замке. И никакая другая женщина тоже не смогла это сделать. В другом месте – пожалуйста. Те же, кто попробовал, очень об этом пожалели. Принести сюда новорожденного... тут тоже не все понятно. Кто-то считает, что это хорошо, другие говорят обратное.

Так! А вот это – звоночек! И весьма настораживающий! Заходила ли Мирна в башню? Нет. И это я помню совершенно точно. Ей всегда было не по душе это строение. Даже кровать нашу перевернули так, чтобы не видеть башню из окна. Однако же... ей вскоре рожать!

Делюсь с епископом своими сомнениями. Он молчит, только перебирает губами, словно бы что-то читает про себя.

– Даже и не знаю, сын мой. Возможно, имело бы смысл ей куда-то отъехать на это время, как ты сам думаешь? Я не уверен, но... лучше не рисковать. Спроси у нее... у них обеих.

У Мирны? «... у них обеих...»?

– Это у башни-то?! Ваше преосвященство, вы серьезно? Это же... колдовство!

Епископ хлопывает меня по ножнам Рунного клинка.

– Это – тоже. Допуская одно, как ты можешь отрицать другое?

– Но церковь...

– Ты – Серый. Надо ли мне напоминать, что обычные мерки к тебе неприменимы?

– И... как вы к этому отнесетесь?

– Не заметим. Этого достаточно?

Мы пересекаем двор замка, проходим под аркой ворот внутренней стены. Гройнен поднимает голову и, подслеповато прищурившись, оглядывает башню. Вернее – не саму башню, а ее входную дверь.

– Вот... – он протягивает руку. – Видишь, над дверью?

– Плита?

– Это не плита. Глина, ею замазали надпись над дверью. Она вырублена в камне, и кто-то распорядился замазать ее глиной.

– Зачем?

Вместо ответа епископ разводит руки в стороны.

Оглядываюсь по сторонам и вижу обрубок бревна невдалеке. Упираясь руками, подкапываю его к двери и, поставив на торец, прислоняю к стене. Вытаскиваю из ножен Рунный клинок и, встав на бревно, ковыряю острием замазку. То ли я удачно попал, то ли еще что – но вся эта маскировка внезапно осыпается вниз, запорошив мне глаза сухой и мелкой пылью.

Отплевываясь, спрыгиваю на землю и, протирая глаза, отхожу в сторону. Гройнен сидит на камне, с интересом наблюдая за моими действиями.

– Ну, ваше преосвященство, что там?

– Почитай...

– Да не разбираю я... и глаза пылью запорошило.

– «Тот, кто рискнет разбудить “каменную вдову”, будет навеки заключен в ее объятия.

Участь сия не минует и всех тех, кто дерзнет быть свидетелем этого события».

– Фигасе, какие тут губернские страсти! И как сие понимать, ваше преосвященство? Разбудить – это как? Стену поцеловать?

– Не знаю. Но, как ты понимаешь, желающих до сих пор не находилось.

– Думаю, что и сейчас их немного будет. Однако ж пост тут дополнительный поставлю. И надпись эту... Пожалуй, зря я ее расковырял. Надо будет сызнова замазать. Ночью, чтобы никто не прочитал.

– Эту башню изучал еще мой предшественник. Если хочешь, я прикажу доставить тебе его записи.

– Буду премного благодарен, ваше преосвященство! И, вы правы, с Мирной поговорю! А что до башни... пускай себе стоит... в одиночестве, как и раньше.

К моему удивлению, встреча Гройнена с сероглазкой прошла очень даже задушевно и без напрягов. Это было тем более удивительно, ибо Мирна впоследствии рассказала мне о том, что он относился к числу наиболее стойких противников целителей и всей их деятельности. Епископ представлял собой наиболее консервативное церковное крыло. Понятно, отчего Эрлих пригласил именно его. Если уж такой консерватор обвенчает Серого и целительницу... многое может поменяться. Так что коллеги сероглазки должны будут ей нехило проставиться!

Отдохнув денек, неутомный старик полез-таки в подземелье. После этого он, совместно с Эрлихом, употребил немалую дозу «трупоподъемника». Даже его закаленное сердце с трудом вынесло это зрелище. Отец Варшани, рассказывая о посещении, был краток и серьезен.

– Епископ пообещал сделать все, что от него зависит, чтобы раз и навсегда покончить с Молчащими.

Да, учитывая вес старика в королевстве... такое обещание многого стоило.

Незаметные монашки тихой тенью следовали теперь за сероглазкой, аккуратно фиксируя в памяти все то, что, по их мнению, представляло хоть какой-то интерес. Так мы и обратили внимание на неприметный ранее постоянный двор, расположенный чуть в стороне от дороги к городу.

– Этот человек трижды сопровождал нас, когда мы ехали в город и обратно, – рассказывала сестра Майя, рисуя на листе бумаги его портрет. – Ни разу он не приблизился настолько, чтобы вызвать подозрение охраны, но всякий раз внимательно наблюдал за тем, как устроен наш отряд. Встречает он нас всегда вот в этих местах и провожает вот сюда... Потом возвращается на постоянный двор.

Говоря это, она делает пометки на импровизированной карте, которую по моей просьбе составили люди барона.

– Он там живет? – спрашивает Лексли, рассматривая изображение неизвестного.

– Да, снимает комнату. Приехал недавно, меньше недели назад. Его здесь не знают. Никуда надолго не уходил и ни с кем не встречался. Во всяком случае, этого никто не видел.

– Комнату он надолго снял?

– Осталось пять дней.

– Так... – чешу в затылке. – И откуда этот гостенька пожаловал?

– Не от Молчащих – перстень на него не реагирует, – сестра Майя виновато разводит руки. – Больше нам ничего узнать не удалось...

– Спасибо, сестра! – серьезно кивает Кот. – Вы и так сделали то, чего не сумели выполнить мои люди. Ведь они должны были доложить мне про этого незнакомца.

– Но он не приближался к нам и не представлял собой никакой угрозы.

– Все равно! – не соглашается Лексли. – Это их упущение.

После ухода монашки мы молча сидим минут пять. Так... пришли-таки гости незваные. Знать бы, от кого? И чего им тут надобно? Не факт, что это не Молчащие – они могли прислать и наемника. Горцы? Король? Да, в принципе, не один ли хрен?

– Брать его надо... – нарушает молчание Кот.

– И что мы ему предъявим?

– Да уж найдем...

Смотрю на него и понимаю, что понятия соцзаконности и толерантности еще долго не дадут на здешней почве никаких всходов.

– Ладно... как будем это делать?

– А ты-то что всполошился? – удивляется мой собеседник. – И сами все сделаем в лучшем виде.

– Не сомневаюсь. А колоть его как будете?

– Чем? – удивленно вскидывает брови Лексли. – И куда?

Вот, блин, я когда-нибудь что-то подобное ляпну, а народ и воспримет это как конкретное указание! Терпеливо поясняю собеседнику свою мысль.

– В то, что вы его спеленаете, как младенца, я не сомневаюсь ни единой секунды. Но каким образом вы будете вытаскивать из него нужные сведения?

– Тебе в подробностях разъяснить?

– Нет, не надобно. Я не вчера родился, и кое-что себе представить могу. Но, согласись, что моя зловещая репутация в подобной ситуации будет куда более эффективна, чем раскаленное железо, например.

- Не буду спорить. Ты что же, так и будешь бегать сам по каждому такому случаю?
- Если это касается безопасности Мирны, то не то что побегу – полечу!
- Г-х-м-м... да, извини... Ладно! Давай все, как следует обмозгуем...

Почти бесплотная тень скользнула вдоль стены и замерла около нас.

- Милорд?
 - Говори...
 - Он в конюшне. Седлает коня.
 - Что это так его сдернуло с места? Раньше ведь он никуда вечерами не выезжал?
 - Пару раз...
- Поворачиваюсь к Лексли.
- Ну, что делать будем?
 - Проследим. Там видно будет.
 - Добро...

Одинокий всадник выехал из ворот постоялого двора и, не торопясь, затрусил по узкой дороге. Ехал он медленно, из виду не пропадал и не прятался, так что мы могли осторожно следовать за ним. Мужик не оборачивался назад и никак не проверялся. Лопух? Хотелось бы мне в это верить...

Проехав около трех километров, всадник свернул с дороги и углубился в лес. Тут все сразу усложнилось. Он мог спокойно встать за ближайшим деревом и подождать, пока его преследователи не свернут следом за ним. И тогда – вилы! Бросит коня и уйдет через лес. Черта лысого мы его тут ночью найдем.

Привязав лошадей в придорожной рощице, отправляем следом за злодеем пешую двойку. Проходит полчаса, и один из них возвращается.

- Ну?
- Выехал на поляну, стреножил лошадь и разжег костер. Надо полагать, кого-то ждет.

Переглянувшись, решаем двигать туда. В последнюю минуту я, как старый и злобно-недоверчивый параноик, приказываю троем нашим людям оставаться здесь.

- Мало ли что... А нас всего двадцать человек. В случае чего, успеете помощь вызвать.
- Так до замка почти час ходу!

Верно, это уже я протупил... Отозвав в сторону одного из остающихся, делаю ему краткое внушение, опосля чего он вскакивает на лошадь и исчезает во тьме. Так, один кирпич с плеч долой.

Ведомая провожатым цепочка, в которую вытянулась вся группа захвата, входит под сень листвы. Тут темно настолько, что, если бы не Рунный клинок, я бы точно вписался мордой в первое же дерево. А так – вижу. Не шибко здорово, это все же не ПНВ, но отдельные препятствия могу различить. Так и выходит, что я закономерно оказываюсь во главе колонны.

Вскоре после входа в лес трогаю проводника за плечо.

- Что это? – шепчу ему на ухо.
- Где, милорд?
- Справа.

Действительно, мое обострившееся зрение выхватывает из темноты угловатое строение. По знаку Лексли ребята окружают его, и двое осторожно входят внутрь. Минуты через три-четыре один из них возникает перед нами.

- Что там?

Вместо ответа парень протягивает руку.

Что там у него?

Что-то теплое... и сухое... сыпучее... зола?!

– Совсем недавно там горел костер, милорд. Зола еще не успела остыть, и угли тлеют. Дом старый, давно брошен – крыши нет. Костер был внутри, со стороны его не видно.

– Лексли, оставь здесь двоих арбалетчиков и парня с мечом для их прикрытия. Назад пойдём – заберем. Сидеть тихо, себя не обозначать.

– Зачем? – шепчет он мне на ухо.

– А если придет тот, кто жег костер? Я бы не отказался с ним побеседовать...

Еще через некоторое время на ветках деревьев задрожали отблески. Надо думать, мы вышли к поляне.

А вот и искомый злодей... Сидит себе, как ни в чем не бывало, и в ус не дует. Подбрасывает в костер веточки и что-то там из фляги отпивает. Точно, ждет кого-то. Ну, что ж... и мы подождём.

Ребята бесшумно растворились в кустах, а я присел на пенек. Со стороны поляны меня закрывал большой куст, так что можно было не беспокоиться на этот счет – не увидит злодей ничего.

Прошло около часа.

Человек на поляне невозмутимо сидел у костра.

Что-то вот не по нраву мне такие вот ожидания... Какое-то смутное предчувствие завошилось в душе.

Прикинем...

Допустим, он злодей и ждет связного. Хорошо. Тогда – кто из них опаздывает? Связной? Интересно, встречи у них по плану? Если да – то он опаздывать не должен. А если – нет? А как же тогда связник узнает о том, что его ждут?

Дом у дороги!

Вернее – остатки дома.

Но там был костер... кто-то жег его и ждал.

Наблюдатель?

Вполне в тему.

Хорошо, он увидел этого «любопытного путешественника» и помчался дать сигнал. Пешком помчался, ибо всадника, выезжающего из леса, мы бы засекали.

И как далеко он может убежать?

– Жилье тут поблизости есть? – спрашиваю у Лексли, наклоняясь к его уху.

– Сел и деревень – нет. Есть небольшое поместье... какой-то невезучий дворянин... что-то там у него неправильное вышло, но точно не скажу.

– Ага, значит, дворянин... и в поместье к нему уж точно никто и не заглядывал?

– Монахи заходили. Кольцо ничего не показало.

– Угу... ладно... ждем...

Особо долго ожидать не пришлось. Где-то через час вдали послышался стук копыт. Ехал всадник. Судя по звуку – один. И он никуда не торопился.

Сидевший у костра мужик встрепенулся и поднял голову.

На полянку въехал еще один персонаж. Спрыгнул с коня и подошел к встречающему. Они негромко поздоровались и о чем-то заговорили.

Сзади меня обозначилось легкое движение... шорох травы... и из кустов выметнулись, еле заметные в свете костра, змейки арканов! Надо же... а я и не подозревал, что здешние спецы умеют так ловко ими пользоваться.

Рывок – и оба собеседника покатались по траве. В следующую секунду на каждого из них насадо по паре здоровенных парней.

Ко мне подводят приехавшего всадника. Молодой парень выглядит испуганно, но старается не подавать виду.

– Знаешь меня?

– Нет, ваша милость...

– Милорд! – подсказывает ему Лексли.

Парень обмяк всем телом.

– Я... я ни в чем не виноват, милорд! Меня послал мой господин, чтобы я забрал письмо.

– И где же оно?

– Вот тут, – показывает он движением головы. – За отворотом камзола.

Там действительно лежит бумага, частично исписанная неровным почерком.

«С получением сего послания, милейший мой Марони, прошу вас оказать помощь его подателю. Сей человек знал лучшие времена, и если бы не людская неблагодарность, мог бы и далее наслаждаться заслуженным покоем...».

– Ты понимаешь что-нибудь? – спрашиваю шепотом Лексли.

– Чушь какая-то...

– Откуда ты узнал, что этот человек будет здесь? И почему так поздно приехал? – снова поворачиваюсь я к парню.

– Я уже приезжал сюда раньше. К нему же. Он служит у серьезного господина и не может куда-либо отъезжать днем. Только ночью, как сейчас. Он уже приезжал дважды, но только сегодня привез рекомендательное письмо. В прошлый раз его не было, и мой господин не поверил его словам...

– Ты знал, что он приедет сегодня?

Парень замешкался, но немилосердный тычок кулаком под ребро вновь вернул ему былое красноречие.

– Приехал человек... и господин барон велел мне выехать сюда, милорд.

– А в прошлый раз?

– Первый раз он приехал сам. В наше поместье. О чем-то говорил с господином, и в следующий раз я приехал уже сюда. Это было заранее оговорено. А сегодня... я никуда не собирался ехать! И ничего не знал! Клянусь вам, милорд!

– Что он привез в прошлый раз?

– Какие-то бумаги... я не умею читать, милорд!

Парня отводят в сторону, и к нам подтаскивают виновника всех этой суматохи. Выглядит он неважно. Половину лица занимает внушительный кровоподтек. Видать, пытался отмахаться от ребят. Ну-ну...

– Слушаю тебя.

– Э-э-э... а кто вы такой, ваша честь? Мне незнакомо ваше лицо.

– Милорд Сандр является лордом здешних земель, – терпеливо поясняет ему Лексли.

– Мое почтение, милорд! – пытается поклониться мужик.

– Как твое имя?

– Олгей, милорд!

– У кого ты служишь?

– Служил... – поникает головой мужик. – У графа Дарена, в его охотничьем домике. Конохом. После смерти графа нас всех выгнали. Вот я и ищу теперь себе место, милорд.

– А причем тут людская неблагодарность?

– Когда граф был еще жив, со мною уважительно здоровались все встречные. А теперь...

– Кто написал это письмо?

– Э-э-э...

- Ну?
- Главный ловчий графа... барон Родаль.
- Где он сам?
- Я... не знаю, милорд! Он ничего мне не сказал на прощанье!
- Зачем ты следил за моей невестой?
- Помилуйте, милорд! Кто – я?! И в мыслях не было!

А ведь дядя врет... Если парень не пытался задурить нам мозги, то вот этот клиент старается всюю.

- Ты встречал караван из замка, так?
- Да, милорд.
- И следовал за ним.
- Да, милорд.
- Зачем?
- Я должен был подробно рассказать о том, в каком порядке располагаются повозки каравана, милорд.
- Кому?
- Его хозяину, – кивает Олгей на парня, – барону Марони. Это он мне приказал.
- Зачем это ему знать?
- Откуда мне знать? Кто я, а кто он, милорд?!
- Поклянись! – и в свете костра блеснул Рунный клинок. – Ты знаешь, что это? Олгея бьет крупная дрожь, но он через силу кивает.
- Д-да...
- Целуй!

Не знаю, случайно ли так вышло, или клинок действительно обладает какими-то до сих пор неведомыми мне качествами, но дальнейшее озадачило нас всех. Меня – так в первую очередь!

Наклонив лицо к клинку, Олгей вытягивает вперед губы, стараясь держать лицо как только возможно дальше от тускло блестящего лезвия. До сих пор не могу понять, что же произошло с ним в этот момент. То ли нога у мужика дрогнула, то ли моя рука как-то внезапно провернулась... Хотя, с чего бы это вдруг? Никогда не вертелась и вдруг – нате вам!

Как бы то ни было, но губы Олгея вместо плоской боковой поверхности вдруг касаются острия!

- Клинок еле ощутимо дрогнул!
- И лицо вчерашнего конюха затопила мертвенная белизна...
- Хреновый из меня дознаватель.

Первым пришел в себя брат Рон. Он присел на корточки и осмотрел безвольно обмякшее на земле тело.

- Ну, что ж... не надо лгать милорду... Временки с него снимите, – поворачивается он к своим ребятам.
- А что теперь скажешь ты? – пристально смотрю на баронского слугу. Того колотит дрожь, видно, как по лбу скатываются капли пота.
- Я... простите, милорд, но мне сказать больше нечего! Вы... не надо меня убивать! Я все и так расскажу, только уберите от меня этот меч!

И парня понесло... Большая часть информации представляла собой бесполезную мешанину слухов и сплетен, разве что описание баронского двора заслуживало какого-то внимания.

- Стоп! – протягивает руку Лексли. – Еще раз! Куда вы отвозили зерно?
- Тут рядом! Старые шахты, возле них сохранился поселок рудокопов. Сейчас там живет лишь парочка стариков.
- И двоим старикам вы отвезли шесть мер зерна? Они сами его и забрали?

– Да. Мы оставили им всю телегу, так нам было приказано.

– Зачем? Им столько и за год не съесть.

– Не знаю. Барон приказал, мы и отвезли.

– А раньше? Вы возили туда что-нибудь?

– Нет. Во всяком случае, я не знаю об этом ничего.

Лексли отводит меня в сторону.

– Шесть мер зерна – это почти полная телега. Зачем отвозить такое количество еды для того, чтобы прокормить двоих стариков? Тем более странным выглядит такой поступок со стороны не очень-то богатого барона.

– А он точно этих стариков кормить собрался? Может быть, там еще кто-то есть?

– Тогда бы он послал не только зерно... но он этого не сделал.

– Верно. Значит, тот, кого он хотел накормить, ест только зерно. Или все прочее у него присутствует.

– Или он собрался кормить своих лошадей.

А ведь и верно! Лошади! Да, это объясняет такое количество зерна. Но сколько их там? И где их хозяева?

– Уходим! Брат Рон, приберитесь тут...

Уже подходя к дому, я почувствовал какое-то напряжение. Что-то буквально повисло в воздухе, какая-то тяжесть...

– Лексли! Ждите здесь!

Видимо, я это высказал достаточно жестко, ибо никаких возражений не последовало. Вытащив из ножен Рунный клинок, осторожно двигаюсь к опушке леса. Что-то ведь привлекло мое внимание... что же?

Тепло.

Ощущаю его где-то на самой границе восприятия.

Ага, это тепло от наших лошадей, они вон там, в рощице.

Понятно.

А вот это что такое?

Слева и справа от нее?

Такого количества лошадей у нас просто не было.

Легкий ветерок донес чуть слышное пофыркивание. Сомневаюсь, что его услышал бы кто-то из наших, уж слишком тихо прозвучали эти звуки. И если бы не мои, обостренные, благодаря клинку, чувства, то и я не услышал бы ничего. Нет, Рунный клинок точно что-то со мною делает, это уже совершенно очевидно. И в темноте вижу, да и слышу весьма недурственно. И тепло это. Хрен бы я чего ощутил ранее!

Резюме?

Нас ждут.

Кто-то на лошадях.

Их много, не менее пяти десятков, возможно, что и более.

И что делать?

Рассыпаться по лесу?

Вариант. Но мы не знаем этого леса.

То, что нас заманили сюда специально, мне уже совершенно ясно. Это не просто так подставили вчерашнего конюха. Скорее всего, его играли втемную. Специально подставили, чтобы охрана сероглазки заметила повышенное внимание. Значит, было и контрнаблюдение, наших ребят засекли. Тогда и выехал конюх на встречу, видимо, приказ получил. Это он и старался скрыть изо всех сил.

Зерно... Крестьянскую лошадуку им кормить не станут, дороговато! А вот боевого коня – самое то!

Стало быть, это не простые разбойники, слишком сложную комбинацию тут провернули, выманивая меня из замка.

Меня?

А кого ж еще?

Кто сорвется с места, получив информацию о повышенном внимании к Мирне?

Я сам и сорвусь. Так что здесь неведомый противник попал безошибочно.

Хорошо, цели своей они достигли. Мы здесь, и в явном меньшинстве. Около рощи нас ждут не менее пятидесяти всадников. И навряд ли это вчерашние пастухи. Да хоть бы и так, их почти вдвое больше, чем нас. С их точки зрения, все преимущества не на нашей стороне. А так ли это? Думаю, ребята, вас тут ждет небольшой облом...

Рощица надвинулась и почти заслонила мне весь обзор. Он и так-то не слишком хорош, но хоть что-то было видно. По крайней мере, охранение я сумел засечь. Оно состояло из трех пар верховых, которые распределились вдоль края рощи таким образом, чтобы, если и не разглядеть, то уж услышать наш отряд наверняка. Иногда они трогаются с места и, проехав десяток-другой метров, снова останавливаются, прислушиваясь. Хорошо придумано, ощущается рука опытного солдата. Но некоторый диссонанс в ваши построения я все-таки внесу...

Первыми меня учуяли лошади.

Ближайший конь всхрапнул и недовольно покосился в мою сторону. Всадник поцокал языком, успокаивая его. Вместе со своим напарником они приподнялись на стременах, сиюсь рассмотреть хоть что-то в окружающей темноте. Щас... Это у меня козырь в виде клинка, а у вас что? Фига с маслом... Не туда смотрите, мужики. На небо гляньте. Если и не увидите красивый полет птицы обломинго, то хоть услышите... хлопанье ее крыльев... Меня-то вам не разглядеть – не опасаясь уронить достоинство лорда, я тихонько, почти на четвереньках, крадусь в густой траве.

А вот и всадник совсем рядом... хоть руку протяни. Тянуть к нему руки я, разумеется, не стал. Зачем, когда клинок есть? Он и поэффективнее будет, да и потише...

Ш-ш-ших!

И первый всадник запрокинулся в седле. Его руки разжались, и безжизненное тело сползло на землю. Падая, он застрял ногой в стременах, и повис вниз головой.

Прыжок!

Моя левая рука захватила второго всадника за одежду. Он суматошно вскинулся, пытаюсь достать из ножен меч.

Ага... так я и стал тебя дожидаться...

Снова прошипел клинок, пробивая кольчугу.

Вместе со всадником гулко плюхаюсь на землю. Испуганный конь резко отпрыгивает в сторону и исчезает в темноте. Слышу удаляющийся топот копыт. Черт с ним. Авось не сразу на глаза остальным попадет.

Приподнявшись над травой, прислушиваюсь.

Тихо.

Эта парочка явно не ожидала увидеть тут одного человека. Ждали отряд. А он так тихо не подобрался бы. Зачем, скажите на милость? И воевать эти двое тоже не собирались. Арбалетов у них нет, и мечи в ножнах. Это не бойцы – дозорные. Их дело – засечь отряд и тихо отойти, дав знать остальным. Ну, а такого злодея, как я... еще поискать надо. У меня подобная вылазка не первая в жизни, приходилось уже по ночам в траве рассекать... и по асфальту ползать. Только в те разы у меня не было такого шикарного бонуса, в виде Рунного клинка. Есть

у меня подозрение, что он, каким-то образом, не дает меня рассмотреть... Мешает как-то... во всяком разе, я уже давно заметил то, что вечером и в сумерках могу подойти к бодрствующим людям достаточно близко, пока меня засекут. Причем, чем больше людей, тем быстрее меня замечают. К одному человеку почти вплотную подойти могу, к двум... тоже попробовать можно. А вот к четверем... лучше не подходить... срисуют враз. Вот и здесь без ненужных экспериментов обойдемся. Храбрость свою (заодно с безбашенностью) тут продемонстрировать некому. И незачем. Мы тихонечко, ползком... кусточками...

– Ф-фу... принимайте гостя... – сваливаю со спины тяжелое тело и устало сажусь прямо на землю. Руки и ноги ходят ходуном, во рту сухо. – Попить что-нибудь дайте...

Мне в руку суют флягу. Делаю пару глотков. Квас! Тот самый, что сероглазка для Котов делает. Самое оно в настоящий момент!

– Что там, милорд?

Поднимаю голову.

Брат Рон. Подошел совершенно неслышно и стоит рядом. Вот кого надо было бы с собою взять. По крайней мере, не таскал бы этого обалдуя на горбу в гордом одиночестве.

– Хреново... Около наших лошадей – засада. Полсотни всадников.

– А наши часовые?

– Не нашел. Но, думаю, что их в живых уже нет. Вместо них было двое чужаков. Одного я притащил с собой, приведите его в чувство, ему нехило прилетело.

– Уже занимаемся, милорд.

– Добро! Путь к нашему отступлению, как мне кажется, перекрыт. Лошадей я отпустил, авось+ хоть парочка сбежит с концами.

– Зачем? У вас же хорошие кони!

– Противник тоже так полагает. Вот и не поверит, что я отпустил их просто так. Часть лошадей они найдут, но две-три убегут, как я надеюсь. Вот и будут думать эти злодеи, что парочка человек успела улизнуть под шумок. И вот тут у них в заднице-то и засвербит!

– Был шум?

– Ну, лошади разбегались достаточно быстро, с топотом копыт... да и, обнаружив на месте троих покойников, мало кто подумает, что все это натворил один человек.

– Ну... это смотря какой человек...

– Спасибо за комплимент!

Украденный мною часовой оказался... горцем...

Интересно девки пляшут, сразу восемь в один ряд... горцы-то здесь что потеряли? И как сюда попали? Вот это – гораздо интереснее! Не пешком, а на неплохих лошадях и, самое главное – хорошо вооруженными. Ну ладно, относительно лошадей, в принципе, возможно, ибо они пешком вообще, похоже, не ходят. Если горец куда и направляется, особенно далеко, то уж точно не ногом топает. Допускаю, что одиночные всадники вполне могли и через посты проехать, не совсем же там железный занавес? Мы ведь только караваны не пропускаем, да большие группы людей. А вот хорошо вооруженного всадника не пропустят. Меч – ради Бога, без него горцу, как без штанов выйти. А вот кольчугу и лук, а тем более – арбалет... фигушки! Значит, все это они получили уже здесь. И надо будет выяснить, где и у кого. Будто нам и так работы не хватает...

Очнувшийся пленник сидит, прислоненный к пню. Кольчуга и оружие с него сняты, и руки стянуты крепкой веревкой.

Присаживаюсь на корточки напротив. Рядом с нами втыкают в землю зажженный факел. Со стороны он прикрыт стеной того самого брошенного дома, и его свет посторонние видеть не могут.

– Очнулся?

Он молчит, только прожигает меня тяжелым ненавидящим взглядом.

– Это я тебя ударил. А перед этим убил троих твоих товарищей.

Взгляд его еще более потяжелел.

– Ты скажешь мне, зачем вы сюда пришли?

– Кто ты?

– Лорд этих земель.

– Ты наш враг! Я ничего тебе не скажу!

– Тогда я вернусь в рощу. И убью там еще кого-нибудь. А сюда принесу уже двоих. Одного убью прямо перед твоими глазами, чтобы кровь его попала на тебя.

– Ты можешь...

– Могу. Если и после этого ничего не скажешь, отпущу второго, сказав ему, что ты нам все рассказал. После чего можешь идти... куда угодно. Но далеко ли уйдешь?

Хорошенькая у него теперь перспектива! Пусть поразмыслит над своим невеселым будущим.

– Если я все скажу... мне вернут оружие?

– Хочешь умереть в бою?

– Да!

– Ты получишь свой меч.

Хорошо, что я его не выбросил там, в роще. Хоть и тяжелее было из-за этого тащить часового.

– Хорошо... но помни, ты обещал мне!

– Не волнуйся. Я не отличаюсь забывчивостью.

– Пусть мне развяжут руки.

Из-за спины горца протягиваются руки кого-то из монахов. Раз, два – готово! Ловко они это делают! Пять секунд – связали, две секунды – развязали. Мастера!

Пленный сплевывает на землю и встает на ноги.

– Вина дайте!

Кто-то из окружающих протягивает ему флягу. Горец запрокидывает голову и в несколько глотков осушает ее содержимое.

– Что ты хочешь знать? – поворачивается он ко мне.

– Сколько вас?

– Около трехсот человек.

Ничего себе! А я-то думал, что эти полсотни всадников и есть все наши неприятности.

– И где же все остальные?

– Они окружили поляну и через некоторое время будут здесь. Вам никуда не удастся уйти. Так что не обольщайся: ты ненадолго меня переживешь.

– Ну, это мы еще поглядим. Как давно вы здесь?

– Месяц.

– Добирались сюда поодиночке?

– Откуда ты все знаешь?

– Ну, я тоже не вчера родился. Оружие и доспехи вам приготовили у барона, ведь так? А лагерь ваш был в старом поселке рудокопов.

Пленный насупился.

– У нас везде есть свои люди, у него – тоже, – успокаиваю я горца. – Неужто ты думаешь, что я просто так пришел сюда с отрядом в двадцать человек? Мы ждали вас, хотя и не предполагали, что придет так много людей сразу.

– И зная все это, ты оставил в роще всего двух человек? Ты же мог предполагать, что мы их захватим и допросим. И весь твой хитрый план провалился бы.

– Никто из них ничего не знал. Вы их убили?
– Нет, на свадьбу позвали! Зачем ты это спрашиваешь?
– Война... Без жертв не бывает. Но надежда всегда есть. Я ценю своих людей.
– Я вижу, ты опасный человек. Не зря Одноглазый хочет тебя убить.
– Так это его идея? Не могу не отдать должного: придумано хорошо. Конюх-то хоть знал, что его ждет?

Горец пожимает плечами.

– Про это тебе надо спрашивать у наших сотников. Мне об этом не известно. Больше мне нечего тебе сказать. Где мое оружие?

Похоже, что пленный не врет. Это действительно обычный солдат, и ожидать от него того, что он посвящен в секреты своих командиров, не приходится. Поворачиваюсь к Лексли.

– Отдайте ему его меч. И кольчугу верните.

К ногам горца бросают его кольчугу, и кто-то из Котов протягивает горцу меч. Он вытаскивает его из ножен и отбрасывает их в сторону. Втыкает его в землю и одним движением набрасывает на себя поднятую с земли кольчугу. Интересно, кого же пленный вызовет на единоборство? Насколько я знаю традиции таких народов, пасть в бою для него гораздо почетнее, чем помереть в постели в кругу семьи. А в данном случае он еще и смоеет кровью позор пленения. Не дурак ведь, не может не понимать, что живым его отсюда никто не выпустит. А так хоть жизнь подороже продаст и умрет с честью. Рискнет ли он бросить вызов мне? С одной стороны, уж больно лакомый кусок: собственноручно прикончить наиглавнейшего противника, но с другой стороны, шансов у него на это не так много. Он только что на собственном горбу убедился, что я могу сделать с ним просто голыми руками.

Пленный осматривается по сторонам.

– Эй, ты! Который в черной хламиде! Ты здорово умеешь связывать руки безоружному. А сможешь ли ты повторить это с готовым к бою воином?

Так это он на спецмонахов нацелился? И ведь выбрал, злодей, не кого-нибудь, а старшего из них. Нельзя отказать ему в логике. Никакого видимого оружия монахи не носят. И, с точки зрения горца, выстоять в поединке против опытного мечника шансов у них немного.

– Ты хочешь бросить мне вызов? – спокойно спрашивает брат Рон.

– А ты ищешь способы его не принять?

– Считаю, что я его принял.

– Отлично! Сейчас я увижу, какого цвета твоя кровь!

Коты, монахи и солдаты расходятся кругом, освобождая место для поединка. Света здесь немного, но видеть друг друга противники могут достаточно хорошо. Бывший пленник подбрасывает меч и ловко ловит его за рукоять. Тускло блеснувшее в свете факела лезвие со свистом описывает в воздухе сверкающий круг. Да, рубиться на клинках этот парень не вчера научился. Боец он, судя по всему, неплохой, и мне еще нехило повезло, что я оглушил его раньше, чем он успел меня заметить. Кстати говоря, теперь я понимаю, почему он бросил вызов не мне: надо полагать, свои боевые качества он оценивает достаточно высоко и отдает себе отчет в том, насколько более опытным должен быть человек, который скрутил его за несколько секунд. И хотя он в этом не совсем прав, разубеждать его я не тороплюсь.

Брат Рон никакого оружия не вытаскивает. Ловлю себя на мысли, что я и сам-то до сих пор не знаю, что же они прячут под своими широкими рясами. Рукопашники они классные, в этом я не раз имел возможность убедиться. Но вот как он поведет себя в бою против вооруженного мечом противника – этого, судя по заинтересованным мордам окружающих, не знает еще никто.

Горец внезапно прыгает вперед, и его оружие устремляется к горлу монаха. Точнее, в том направлении, где оно только что было. Ибо монаха на этом месте не оказывается, и он, каким-то непостижимым образом извернувшись, оказывается за спиной нападающего.

Шлеп! И широкая ладонь спецмонаха звучно шлепает горца по спине. Вернее, чуть ниже спины. Зрители с трудом сдерживают смех. Хотя ситуация далеко не напоминает цирковую, и поводов для веселья у нас не так уж и много.

Оскорбленный до глубины души, его противник резко поворачивается. Лезвие меча проносится в опасной близости над головой монаха. Именно что над головой, ибо за полмгновения до этого брат Рон приседает. Дальнейшего в подробностях я рассмотреть не успел. Думаю, что и никто другой тоже. Но, прокатившись кубарем по земле, горец с размаху врывается в стену дома. Несмотря на этот кульбит, оружия он не потерял-таки. И уже через секунду снова стоит на ногах. На этот раз он ведет себя гораздо осторожнее. Широких замахов больше не делает, на вытянутую руку мечом не бьет. Монах моментально оценивает изменившуюся тактику противника и тоже ведет себя по-другому. Около минуты они настороженно ходят по кругу. Брат Рон по-прежнему не нападает, выжидая атаки противника. А тот, в свою очередь, осторожничают, короткими уколами прощупывая оборону своего оппонента. Те не достигают цели, чернорясник каждый раз ловко уклоняется. Понятно, что от колющих ударов он увернуться может. Сделав такой вывод, нападающий снова изменяет тактику. Его удары теперь идут наискось сверху вниз и назад. При этом горец все время перебрасывает оружие из руки в руку. Поэтому предугадать направление следующего удара достаточно затруднительно. Наконец, выждав момент, когда за спиной монаха окажется стена дома, горец переходит в наступление. Его меч постоянно мелькает то слева, то справа, тесня монаха к стене дома. Уйти вбок он ему не дает, поймать себя за руку более не позволяет и близко к себе не подпускает. А до стены остается всего пара метров. Еще секунда-другая – и места для маневров не останется совсем.

Брат Рон резко выбрасывает вперед левую руку.

Чуть изменив направление движения, меч нацеливается на его предплечье. Горец явно собирается срубить эту руку на замахе.

В воздух взметается широкий рукав монашеского одеяния. Сильный удар правой руки сбивает меч вбок, и маневр горца своей цели не достигает. Прижимаясь к правой руке нападающего, монах проворачивается на месте.

И его локоть с размаху бьет горца по затылку. Звякнув о корни, выпадает из руки меч. А руки монаха уже протягиваются к голове нападавшего.

Даже отсюда я слышу сухой хруст шейных позвонков. Ноги горца подгибаются, и он оседает на землю. Подняв с земли меч, брат Рон вкладывает его в руку противника.

– Он заслужил того, чтобы умереть с мечом в руке. Просто ошибся в выборе противника.

Здесь я с ним совершенно солидарен. Для того чтобы срубить такого рукопашника, одного человека явно недостаточно.

Солдаты и Коты молча переглядываются. Одно дело видеть монахов на тренировках, и совсем другое – наблюдать, как безоружный человек справляется с вооруженным и окольчуженным противником. Такое не каждый день увидеть можно.

Однако суд да дело, а в лесу и на поле еще три сотни вооруженных горцев. Не важно, насколько мы хороши и сильны в рукопашной, но против такого количества противников нам не устоять. Просто массой задавят. И слабым утешением будет то, что мы успеем прихватить с собой изрядное количество нападающих. Все равно цели своей они достигнут. Надо отдать должное Одноглазому, он оказался куда более опасным противником, чем я думал. Один фокус с контрнаблюдением и подставным шпионом заслуживал того, чтобы отнестись к нему, по меньшей мере, с уважением. Это не обыкновенный горский головорез. Такие знания приобретаются кровью или громадным боевым опытом. Хотя здесь правильнее было бы сказать иначе. Это не опыт полководца, скорее, искусство тайной войны. А где же мог набраться таковых

знаний горский выращиватель наркоты? Ох, не нравится мне этот дядя... Одной наркоты, ранее никому в этом мире не известной, было достаточно для того, чтобы я отнес его в разряд непримиримых врагов. А еще и такие оперативные комбинации... Явно эта голова слишком уж зажилась на плечах хозяина. Как только мы выберемся из этой западни, займусь Одноглазым вплотную. Ага, щас! А про Молчащих забыл? Эти парни тоже долго ждать не будут. А учитывая их союз с горцами, можно только гадать о том, какие жуткие идеи могут рождаться в головах подобных союзников.

Ладно, об этом думать будем после. Сейчас задача номер раз – уцелеть. Уже в самое ближайшее время та часть наших противников, что оцепила лес, начнет его прочесывать. Да, они могут предполагать, что какая-то часть окруженных успела улизнуть. С большой долей вероятности в их числе мог оказаться и я. Мог ли? Смотрю на эту ситуацию глазами врага и понимаю, что тех данных, которыми они обо мне уже располагают, достаточно для того, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Пока что я ни разу не давал повода усомниться в том, что своих людей я просто так не бросаю. Не будем и в этот раз считать противника глупее себя. Пока они не прочешут лес и не вытащат отсюда всех, кто в нем остался, они никуда не уйдут.

Какие у нас есть козыри?

Темнота. Ну, еще час-полтора. Потом этот козырь утратит свою силу.

Они на лошадях. Плюс это или минус? На ровном месте, безусловно, плюс. А вот в лесу это еще бабушка надвое сказала. Там, где однозначно пролезет пеший, далеко не всегда проедет всадник. Не надо льстить себе мыслью о том, что пешими горцы воюют хуже, чем конными. Они и так и так – противники весьма неприятные. Поэтому данное обстоятельство скорее на руку им. Скорость передвижения у них выше.

Еще есть вот этот дом.

Точнее, четыре стены. Это дает некоторое преимущество обороняющимся, но весьма недостаточное, чтобы перевесить численное превосходство нападающих.

Можно, конечно, заныкаться. Но тогда всех попросту повыковыривают из ухоронок поодиночке. Тоже не вариант. Хотя для этого нас еще надо найти...

А вот чего противники явно не ждут...

Прилетевший ветерок бросил в мое лицо целую гамму запахов. Пахло выделанной кожей (лошадиная сбруя), холодным мокрым железом (оружие наездников) и конским навозом (тут никаких пояснений не требуется). Осторожно выглядываю из кустов. Горцы не стали-таки ждать рассвета. Часть их уже вошла в лес, и теперь редкой цепочкой они двигаются в нашу сторону. Примерно половина из тех, кого я вижу, на конях, прочие спешили. Так сказать, загонщики. С факелами, чтобы освещать себе дорогу и осматривать лес. А всадники исполняют роль охотников, чтобы по первому крику загонщика подоспеть на помощь. Ну, что ж, абсолютно разумное, а главное, ожидаемое решение. Еще шагов пятьдесят – и они будут рядом с нами. Вовремя прибежавший к нам дозорный успел сообщить порядок построения противника, и кое-какие сюрпризы мы смогли ему подготовить. Хотя ничего принципиально нового я не услышал. Тактика прочесывания леса, что тут, что у меня дома, не очень-то отличались.

Два щелчка костяшками пальцев по ножнам клинка – и наша группа растворяется в кустах. Теперь – ждать. По возможности, не дыша. Прижимаясь спиной к деревьям и растянувшись на земле. Вслушиваясь в шаги противника и поминутно ожидая встревоженного окрика. Теперь основная надежда на Котов. Внешне, особенно на некотором расстоянии, они слабо отличимы от нападающих. Такие же островерхие шлемы, кольчуги и мечи. Различия между ними можно увидеть только при нормальном освещении. Вот монаха в рясе или солдата с копьем или арбалетом даже в этих условиях засекут на раз-два. Оттого-то никто из них сейчас голову и не высовывает.

Лес – не плац и не поле, он неровный, ямки какие-то есть, да деревья всякие торчат из земли в самых неудобных местах. Оттого-то и не получается у загонщиков держать строй. Неизбежно кто-то отстает, в то время как его товарищи выходят вперед. Да и опыта соответствующего у них нет, это не наши внутренние войска, которые таким делом частенько занимаются. Это обстоятельство мы тоже учли. Во всяком случае, постарались. Вот первый из загонщиков поравнялся с моим укрытием. Тут на земле лежит здоровенный выворотень, пройти мимо которого, ну, никак невозможно. А вдруг под ним сидит целый десяток человек?

Десяток не десяток, а два человека здесь есть. И стоит только загонщику сунуть факел под нависающие корни, как его тут же перехватывает сильная рука! А знакомое шипение подтверждает успешность попадания.

И успокоившийся «загонщик» продолжает свой путь. Моя же дорога лежит на следующий фланг. Выворотня здесь нет, зато приличных размеров булыган присутствует. И там тоже ждет своего часа один из Котов.

Иду я, не прячась, подсвечивая себе дорогу факелом. Слава Богу, в отряде был небольшой запас. И покидая ямку под выворотнем, я успел его зажечь от чужого. Они тут все одинаковые, и различить, где – чей, невозможно. Уж навряд ли всадники и загонщики сразу сообразят, что факелов вдруг стало больше. Пусть даже на один. Зато и дергаться не станут, услышав шаги подходящего сзади человека. Тем более – с факелом, значит, априори – своего. А то, что загонщик, запнувшись, роняет вдруг факел... бывает. Тем более, что рядом еще один стоит. А теперь уже и не стоит... дальше пошел. Надо полагать, вместе потопали.

Так вот и получилось, что участок цепи шириной приблизительно в тридцать метров, теперь «контролируют» двое Котов. А это весьма изрядное расстояние... в некоторых случаях.

Так что, когда оба идущих неподалеку друг от друга «загонщика» вдруг пропускают без осмотра нехилую ямку... удивления это не вызывает. Каждый понадеялся на соседа. Пустяки, дело-то житейское! Ямка, по правде сказать, совсем не пустая. В ней от любопытных взглядов укрылась очень даже интересная компания...

Протопали копытами мимо кони, и все затихло. Не совсем, еще слышен треск сучьев и похрапывание лошадей, но теперь мы все снаружи оцепления. Поэтому быстро поднимаемся с места и, стараясь не шуметь, осторожно шагаем в условленное место. Там мы подождем наших ребят, которые сейчас морочат голову остальным, старательно играя роль загонщиков. Дальше на их пути будет овраг, конница туда не пойдет, слишком крутые склоны. А вот пешие ползут. И ничего удивительного в том, что часть из них там слегка подзадержится, нет. Факелы-то горят? Стало быть – хозяева целые. Можно не особо комплексовать по поводу отставших... овраг глубокий, на осмотр время нужно. Вот проверят все – и вылезут.

Вот Коты и вылезли, оставив в овраге горящие факелы. Кто и когда там хватился отставших, не знаю, но до нас ребята добрались весьма шустренько. И уже все вместе мы рванули в сторону.

На чем чаще всего горят герои многочисленных американских боевиков? На том, что убегают по наиболее предсказуемому маршруту. По наиболее короткому. Совершенно упуская из виду то, что искать их будут именно в том направлении. Слава Богу, среди нас не было восторженных зрителей голливудской кинопродукции. И оттого некому было предложить подобное решение. Потому и не понесли мы в замок, а забрались на стоящий в сторонке холм. Вид оттуда открывался неплохой, темнота потихоньку рассосалась, и можно было контролировать перемещения наших противников.

А вот в рядах противника, надо полагать, имелось-таки некоторое количество поклонников американского кино, ибо около сотни верховых тут же рвануло по дороге в сторону замка. Н-н-да... Я бы, на вашем месте, до баронского поместья смотался, собак бы прихватил... но, впрочем, настаивать на этом не буду. Вольному, как говорится, воля...

Чу!

Похоже, что пресловутая птица обломинго осенила-таки своим крылом наших преследователей...

Из-за поворота дороги, нахлестывая коней, вразнобой вылетели всадники. В гораздо меньшем количестве, нежели ускакало туда полчаса назад.

Подскакав к основному отряду, они остановились и что-то начали объяснять, тыча руками в сторону поворота.

– Что у них там стряслось? – интересуется Лексли.

– По-видимому, сели задницей на ежа...

– И откуда он там взялся?

– Из замка, надо полагать... не зря же я туда посыльных отправлял. Ты лучше присмотришь, кто там у этих головорезов за главного...

Между тем, у противника прекратилось бессмысленное передвижение туда-сюда, и горцы начали выстраиваться в линию. Ага, стало быть, решились атаковать. Ладно, такое зрелище пропустить совершенно невозможно. И уж совсем грешно в нем не поучаствовать! Арбалеты прицельно отсюда добить до них не могли, разве что по толпе стрелять, и мы в темпе ломанулись к другому холмику. Не столь высокий, он однако имел более крутые откосы и располагался куда ближе к дороге. В иное время я поопасался бы туда лезть, но сейчас противнику явно было не до поисков. Никто уже не шарился по лесу, все всадники собрались в одном месте, и их внимание было обращено в противоположную сторону.

Худо-бедно, а десяток арбалетов у нас имелся. Не бог весть что, но дать несколько залпов в спину несущейся вперед коннице мы могли. В горячке атаки не поймут, и направления стрельбы не определят, а помощь своим мы окажем. Даже если десяток кавалеристов ссадим – и то хлеб!

Всадники уже выстроились в две шеренги поперек дороги. В тылу осталась небольшая кучка кавалеристов, около десяти человек, надо полагать, руководство. Толкаю локтем Лексли и указываю ему на них. Он кивает и, взяв с собою своих ребят, исчезает в кустах.

– Вот что, парни, – оборачиваюсь к оставшимся солдатам. – Разбирайте арбалеты. Основная цель – вот та кучка всадников. Как только скомандую – залп по ним! Бейте по лошадям, надо их спешить. Дальше уже Коты разберутся. Следующий залп – уже по основной толпе. Бейте в кучу, кому-нибудь все равно прилетит. Главное – не дать им вовремя рвануть вперед. Замешкаются с началом атаки, нормального разгона не будет. Строй ломаем, а это важно. Если мы вломим еще и их командирам, то некому будет что-то другое изобретать.

А между тем я слышу приближающиеся звуки. Барабан? Точно.

Проходит еще пара минут, и из-за поворота показывается мерно марширующая «коробка» пехоты. Над ней покачивается целый лес копий, в первых рядах поблескивает еще какое-то железо.

Н-н-да... тот еще ежик... на такого, пожалуй, сядешь...

В первой шеренге около пятидесяти человек, остальные идут следом, составляя правильный прямоугольник. Колонна на ходу оцетинилась копьями, и лучи поднимающегося солнца тускло отблескивают на их остриях.

Оборачиваюсь в сторону кучки командиров. Вот один из них привстал на стременах и приподнял над головою меч.

– Ты и ты! – толкаю ближайших солдат. – Вон тот всадник – ваша цель! Все вместе – залп!

Вразнобой зацелкали тетивы, и всадника словно сдуло с седла! А в кучке командиров начался переполох. Отсюда до них метров сто с небольшим, и арбалетные болты ложатся хорошо.

– Хорош! Теперь – по тем! – вытягиваю вперед руку, указывая Рунным клинком на основную массу кавалеристов.

Понятное дело, десяток арбалетов – не пулемет. Но все же некоторую сумятицу среди всадников мы смогли внести и таким образом.

Покатившиеся с седел люди, вставшие на дыбы раненые лошади... все это на какое-то время вносит раздрай в ряды горцев. На какое-то. Все-таки это опытные и умелые вояки, и они быстро приходят в себя.

Часть кавалеристов отделяется от основной массы и, пришпоривая коней, несется в нашу сторону. Засекли-таки... ладно, на три десятка клинков мы основную толпу ослабили, уже хорошо. Пусть они к нам несутся, все пехоте легче станет. По моей команде арбалетчики осыпают болтами подлетающий к нам отряд. Пара – тройка человек валится под копыта скачущих лошадей. Остальные солдаты, не имеющие арбалетов, вместе с монахами Рона преграждают единственный въезд на холм. Тропа тут узкая, больше чем по одному не пройти. И уж, тем более, не проехать. На нее выволакивают приличных размеров корягу, еще одну... теперь вилы, лошадь здесь точно не пройдет, только пешком залезть можно.

А основная масса кавалерии, повинуясь гортанному выкрику какого-то сотника, галопом несется на пехотинцев.

Звук трубы!

Передняя шеренга пехоты моментально останавливается, и тяжелые, более чем метровой длины щиты с хрустом врубаются в землю под ногами. Пехотный строй словно бы опоясывается стеной. Из щитов, но тем не менее... Лошадь на нее не очень-то идет... А поверх стены угрожающе торчат острия копий. Пехотное каре. Старое и многократно проверенное в деле, противокавалерийское построение пехоты. Здесь его тоже знают и исполняют мастерски.

Снова труба.

И на скачущих всадников густо летят стрелы. Это не арбалетчики! Вернее – не только арбалетчики. Судя по скорострельности, тут присутствуют еще и лучники. Я догадываюсь, какие это лучники...

Первые ряды атакующей кавалерии смешались. Всадники валились наземь буквально десятками. Да уж... тут и без пулемета обойтись можно.

К ошетилившейся металлом стене щитов подскакало уже гораздо меньшее количество горцев, нежели разворачивалось для атаки. И все равно...

Удар был такой силы, что звук от него мы слышали даже на холме. Место сшибки заволочло пылью.

Когда она осела на землю, стало видно, что стена щитов устояла. Перед нею, потрясая оружием, вертелись еще всадники. А у стены лежал сплошной вал из лошадей, вперемешку с наездниками.

Опять прокричала труба, и стена щитов пришла в движение. Мерным шагом, под барабанный бой, двинулась она вперед. Из глубины построения, через головы пикинеров, продолжали стрельбу лучники и арбалетчики. Разворачиваясь в стороны, каре выбросило вправо и влево свои крылья. Это перестраивалась пехота, составлявшая ранее фланги и тыл построения. И эти крылья, блестя наконечниками копий, теперь охватывали уцелевших кавалеристов. Разрозненные и рассеянные, они не могли теперь прорвать строй щитов. Да и поздно уже. Первоначальный порыв иссяк, наиболее ретивые и упертые лежат под ногами пехотинцев, а для разгона лошадей не осталось места. И времени. Слишком близко сверкают окровавленные копыта, да мерно рокочет барабан. В такт ему бухают по земле подкованные сапоги тяжелой пехоты.

Страшно...

Жуткое это зрелище – видеть, как на тебя, такого хрупкого и уязвимого, накатывается стальная, без единой щелочки, стена щитов и окровавленных копий. Только что ты вместе со своими друзьями, опьяненный удалью и молодецким задором, несся на жалкую кучку пещцев, укрывшихся за своими бесполезными досками. Сильные руки приятно оттягивало знакомое и

родное оружие, так жаждавшее сегодня вражеской крови. Казалось, ничего не способно остановить безудержный бег и натиск отборной конницы. Что им какая-то ничтожная кучка испуганных солдат?

И все внезапно и жутко переменялось... Разбрызгивая в стороны звенья кольчуг, с хрустом вошли в молодые тела безжалостные зазубренные наконечники арбалетных болтов. Ударили по незащищенным лицам, по бедрам и ногам тонкие и легкие, но не менее опасные от этого, стрелы. Их было много! И летели они густо. Всадникам, ослепленным этим ливнем, слишком поздно удалось разглядеть перед собой черную стену чужих щитов. Вблизи они выглядели уже не так несерьезно. В этой почти монолитной стене не было никаких лишних отверстий и щелей. А из тех, что были, торчало смертоносное железо. Оказалось, что тяжелые копия пехоты способны вдруг выскакивать вперед почти на полтора-два метра! И не успевшие уже ничего сделать, всадники первого ряда были выбиты из седел почти мгновенно. Всего немного не хватило им. Лишних секунд драгоценного времени, за которое еще можно было набрать нужную скорость, нескольких, может быть, метров, чтобы успеть прищипорить коня и заставить его перемахнуть эту тонкую цепочку солдат. А уж там, внутри! Можно было бы щедро напоить вражеской кровью свое оружие! Показать этим жалким равнинникам, что такое гордые и никем не покоренные сыны гор!

Можно было бы... но увя... Теперь большинство твоих друзей лежит в пыли. Их ребра хрустят под тяжелыми сапогами панцирной пехоты. А на очереди – ты сам. Вот они, окровавленные безжалостные наконечники. Целятся прямо в твое (и ни в чье более!) лицо. Еще несколько шагов пехотинца, прищуренный взгляд арбалетчика, хладнокровно выискивающего очередную жертву – и все! Рванется в испуге осиротевший конь, беспомощно звякнет о камни бесполезный меч... И напрасно будет ждать твоего возвращения со славой и добычей родная семья... Не дождется возвращения любимого невеста, не побегут рядом с конем героя младшие братья...

Но еще можно уйти! Вот он – спасительный лес! Два десятка шагов отделяют от густых зарослей. Брось коня и спасись! Никто не станет искать тебя одного в лесу! Есть пока такая возможность!

Резкий выброс копья, хекающий выдох пехотинца...

И темнота...

Бронированная стена тяжелой пехоты походя смяла малейшие намеки на сопротивление разбитых кавалеристов. А безуспешная попытка уцелевших конников затеять перестрелку с арбалетчиками и лучниками привела только к резкому уменьшению количества стрелявших горцев. Ведь стоя на твердой земле стрелять куда сподручнее, чем сидя в седле вертящейся лошади. Только самые сообразительные из кавалеристов успели-таки, горяча коней, оторваться от преследования и унести куда глаза глядят. Упрямым же и несообразительным повезло куда меньше... Лес – он, знаете ли, успешным маневрам верхом как-то вот не очень способствует. А уйти можно было только по узкой дороге и в одну сторону. Да еще и под обстрелом... тот еще фокус получается. Пришедшая со стороны замка пехота наглухо перегородила более-менее широкую дорогу и поляну, куда она выходила. Так что для отступления осталась только относительно узкая дорожка к баронскому поместью. И лучники с арбалетчиками простреливали ее на дистанции метров в сто или даже больше. А эти метры еще проскакать надобно...

Хренак! Что-то основательно прикладывает меня по плечу, и я кубарем качусь на землю. Правда, ничего особенно не болит, стало быть, кто-то просто немилосердно толкнул в спину. Ну, я этому толкачу сейчас...

Оборачиваюсь назад и приподнимаюсь пока что на локтях.

Худошавый солдат в порванном плаще, держась рукой за грудь, медленно сползает вдоль ствола дерева. Только что на этом месте стоял я.

А в груди у солдата торчит стрела...

Еще две – чуть повыше, вонзились в ствол.
Это кто ж тут такой... стрелок... выискался?

Подхватив с земли заряженный арбалет, приподнимаюсь над краем ямы, куда спихнул меня солдат.

Всадники! Те самые три десятка, что к нам рванули.

А ведь и верно! Это мы с вершушки холмика все видеть могли. А они-то откуда знают про разгром основного отряда? Видеть поле боя они снизу не могут, перелесок мешает. Шум-гам слышали? Так бесшумных стычек не бывает.

Что же до собственной самооценки, то она, надо думать, у них весьма высока. Оттого и не сомневаются эти парни, что их товарищи проявили должный уровень боевого мастерства, втоптав отряд пехоты в дорожную пыль. Так что им сам бог велел рылом в грязь не ударить.

Вот и выделывают они сейчас всякие выкрутасы, пытаясь в конном строю залезть к нам в гости. Стоящая у импровизированных заграждений кучка невзрачных воинов никакого почтения у них не вызывает. Особенно после того, как, спасаясь от их стрел, защитники баррикады попрятались кто куда. Ну да, щитов, как у тяжелой пехоты, у нас тут нет, да и доспехи... так себе, от стрелы на близкой дистанции не спасут. Только вот, попрятавшись, никто из защитников заодно не окривел. И наиболее ретивых атакующих разом повыносило из седел – арбалеты на баррикаде были. Кстати, я-то чего сплю? Вскидываю свой арбалет и пресекаю очередную попытку какого-то умника штурмовать баррикаду верхом. Минус раз! В том смысле, что это у меня – раз, из арбалета. А так-то... уже даже не три или четыре...

Теперь вот и у меня – два! Жалко, что болтов осталось мало, тоже парочка... А остальные где? Да хрен его знает...

Очередным выстрелом ссаживаю с коня еще одного «наездника». Не попал сразу, пришлось два раза по нему стрелять. Вижу, как внизу вылетают из седел еще два-три человека. Но атакующих пока еще много... Больше, чем нас. И болты все у меня кончились...

Надо полагать, они закончились не только у меня. Ибо солдаты внизу перестали стрелять и взялись за копья. Прекратив свои попытки выковырять нас стрелами из-за укрытий, повывтаскивали свои мечи и кавалеристы. Н-н-да... АПС бы тут был явно к месту...

Гортанный крик!

И всадники погнали своих лошадей на баррикаду!

Первый так там и остался – повис на коряге. Ловко брошенное копьё снесло его с коня, и он всем телом рухнул поверх заграждения.

Второй же, вздыбив своего скакуна и рубанув при этом копьёбросателя (от чего тот успел ловко увернуться, нырнув вниз), снова пришпорил лошадь! В могучем прыжке она взвилась над нашими хлипкими завалами... отдельно от всадника. Один из монахов опустил руку, из которой скользнул вниз черный ремень. Праща! Ну, ни фиги ж себе! Молодец мужик! А я-то все гадал – чем же они на дистанции работают?

Еще четверо всадников, подсাকাва к баррикаде, метнули дротики. Успешно... Один из солдат запрокинулся навзничь – руки его скребли по гладкому древку, пытаясь выдернуть вонзившееся в грудь оружие. Другие же метнулись в стороны и, воспользовавшись этим, парочка всадников перемахнула через коряги.

Они сразу резко усложнили наше положение.

Рубка с коня и так-то куда более эффективна, нежели оборона от нее с земли. И ребятам ощутимо поплохело. Они пока еще успешно отмахивались от этой парочки, но вот защищать баррикаду уже стало некому...

И нападающие быстро это поняли. Через ограждение перемахнули еще двое всадников, а вот третий запутался в ветках. Ну, не он, конечно, запутался, а конь. Только всаднику это уже было фиолетово. Слетев в результате этого на землю, он со всей дури боднул голову пень. Надо полагать – дорогу расчищал.

Правда, выбрал для этой цели весьма неподходящий инструмент – голову. Эх, не та у него голова... Сюда бы нашего зама по борьбе с личным составом. Он не то что пень – полхолма бы снес! Настолько башка у него чугунная. Вот это было бы зрелище! Полжизни отдал бы, чтобы посмотреть!

А эта головушка... не сдюжила. Похоже, что клиент шею свернул...

Но четыре всадника на неполный десяток солдат... это плохо.

Спешившись, остальные нападающие начинают растаскивать завал. Солдаты еще могут уйти – лес за спиной. Конь глубоко не пройдет, и уж, во всяком случае, скакать по заросшему лесу существенно труднее, нежели бежать.

Но в этом случае они откроют дорогу на холм... а мне отсюда деваться некуда.

Поднимаю с земли чье-то копьё. Я не сильный мастер им орудовать, но уж в бок-то прыгнуть смогу. А всадники как раз боком-то ко мне и повернуты. Ежели не с тропы выскочу, а дорогу срежу.

Несусь вниз, чуть притормаживая на поворотах и отталкиваясь от земли древком копьё.

Взлетаю на очередной пригорок.

Так... один из всадников уже обмяк в седле, но и наши ряды поредели – двоих горцы все-таки срубили.

Изменив в последний момент свое решение, бросаю копьё не в ближнего ко мне кавалериста, а в того, что следом за ним.

Не шибко удачно, всего лишь ногу оцарапал, но от боя отвлек. А тут уж и ребята не сплеховали. К нему незаметной тенью метнулся монах... дальше я не смотрел, на ближней дистанции горцу ничего не светило. Хоть на коне, хоть на слоне.

А сам я, оттолкнувшись от склона, прыгаю на круп лошади ближайшего всадника.

Хоп!

Удачно вышло! Обхватив за спину всадника, удерживаюсь на лошади. На это я и рассчитывал, он-то крепко в седле сидит, вот и подержусь за чужие плечи. Изо всех сил пихаю горца, и он, не ожидая такого подвоха, валится вперед.

Пока злодей не опомнился, рванув из ножен Рунный клинок, не целясь, полосую им своего противника.

Готов...

Последний кавалерист резко разворачивает коня в мою сторону. Рубить меня собираешься? Ну-ну... Попробовал тут недавно один такой...

Горец историей и слухами, похоже, не интересуется. Оружие в моей руке ему, по-видимому, незнакомо. И оттого он со всей силы, приподнявшись на стременах, обрушивает на меня свой меч!

Хорошо, что я клинок вовремя подставил, да и развернуть его успел, как надо.

Знакомый звон... и на лице моего противника появляется удивленное выражение. Так-то, родной! Плохо быть нелюбопытным!

А в следующую секунду он, взмахнув руками, слетает с седла. Кто-то из ребят метнул аркан.

Разворачиваю коня.

У баррикады, уже наполовину разобранной, столпились горцы. Их лошади чуть поодаль.

Удачный момент – у них нет в руках оружия!

Рискнуть и повторить прыжок через завал? Увы... не с моим искусством наездника. Ездить могу, скакать тоже, даже рубить с коня учился. А вот прыжки... маловато будет, как говорил в мультфильме один сказочный персонаж. Повисну, вот так же, как этот прыгун, на корнях и сучьях...

Нет уж!

Но ведь горцы об этом не знают?!

Даю лошади шенкеля и посылаю на завал!

Не в восторге от перспективы получить копытом в лоб, осаждающие горцы отскакивают в стороны и назад.

А я выскакиваю из седла. Тот еще кавалерист... на землю бы спрыгнуть, не осрамиться...

Ага! Вышло!

Вот теперь – понеслось!

Перемахнув остатки завала (вот же лодыри, пешком-то давно бы уже перелезли, если бы захотели) оказываюсь прямо посередине горцев. Они все пешие, лошади чуть в стороне. Гонор, вишь ты... неприлично им пешими воевать, когда конь есть! Оттого и первый позыв их направлен не ко мне, а к лошадям. Да, собственно говоря, я же один... не та опасность... Прыжок вперед – и я уже в гуще толпы.

А вот сейчас кому-то станет худо... От Рунного клинка доспехи и щиты не спасут!

Взмах клинка – и седобородый мужик опрокинулся на спину. Резко проворачиваюсь на месте и попутно с маху бью кончиком своего оружия по неосмотрительно не убранной вовремя ноге. Мне-то пофиг – могу хоть по пятке тыкать, все равно – эффект одинаковый. И нерасторопный парень оседает на землю. Так... минус два.

Из-за завала прилетает увесистый камешек (монахи в дело включились), и еще один из нападавших оседает на пятую точку.

Хриплый возглас – и горцы отскакивают назад. Теперь между мною и ними метров десять. Они оцетинились клинками, отчего на ум пришло сравнение с дикобразом. Ага... и как это понимать? В оборону встали или к нападению приготовились? Лады, тогда я вам жути подпущу...

Поднимаю с земли оброненный кем-то меч и выразительно помахиваю им в воздухе. Срабатало – взгляды горцев повернулись в эту сторону. Взмахиваю Рунным клинком... и на землю падают две половинки разрубленного меча... Глаза моих оппонентов на мгновение остекленели. Впечатляет?

Да еще как!

Разом заорав что-то непонятное, горцы поперли в мою сторону. С мечами наготове... Напугал, называется! Да они теперь и вовсе с катушек съехали!

Камень, выпущенный пращником, заземляет самого ретивого. Сзади трещат ветки – ко мне на помощь лезут солдаты и монахи.

Не успеют... да и толку с них будет... пусть уж лучше на месте сидят, завал хоть как-то прикроет.

Внезапно первые из наступающих покатались под ноги мне и подбегающим сзади солдатам.

Что это?

Залп арбалетов. Он снес приличную кучку нападающих – человека три. Прочие же, не ожидая такого свинства с нашей стороны, слегка замедлили темп передвижения. На какое-то время они притормозили на месте, осматриваясь по сторонам. Надо полагать, выискивали неведомых злодеев. И стрелки тотчас же этим воспользовались. Перезарядив свое оружие, дали еще один залп. Правда, на этот раз свалили только одного всадника и одну лошадь. Причем, по странному совпадению, это оказался единственный горец, который к этому времени успел-таки добежать до места, где они оставили коней, и забраться в седло. Вот ему и прилетело. А неча! Ножками ходить надобно, парни! Не комильфо, супротив вас тоже пешие стоят...

Топот. Около меня выстраивается жидкая цепочка обороняющихся. Двое держат копьё – ну, хоть что-то... Угу, вот я возможность маневра и потерял. Монахи аккуратно пробуют оттеснить меня вглубь строя. Вот уж хрен! Лорд я или так, погулять вышел? Решительно отпихиваю их назад и, выразительно крутанув в воздухе клинком, делаю горцам приглашающий жест.

Так.

Положение у нас следующее. Противников наших около полутора десятков человек. А рядом со мною стоят трое монахов и трое солдат. Всего нас семеро, так что у врага почти двукратный численный перевес. Но есть еще стрелки, которые, мало того что где-то в тылу у них сидят, так еще и неизвестно – сколько их? Так что численный перевес тут уже не роляет... Да и стоят они на ногах, а не в седле – тоже минус. Пока горцы будут нас в пешем порядке давить, со спины их болтами нашпигуют – будь здоров! И это им явно не по душе. Невеселая выходит перспектива... А отступить назад им в падлу, свои не поймут, будут ржать и пальцами показывать. Ну, это они так думают.

– Ваш отряд разбит! – кричу я во все горло. – Сейчас сюда подойдет наша пехота!

Среди противников наступает легкое замешательство.

Верить мне?

Шума боя никто из них здесь не слышал, и картинка отсюда не видна. Но с холма я это видеть мог, и это они понимают.

– Пусть один из вас поднимется на верхушку холма! Посмотрит сам! – показываю я рукой наверх. – Но если не хотите...

Ж-ж-ж-их!

И между нами и противником в землю втыкаются полтора десятка стрел!

А вот это – вилы!

Стрелы выпущены из луков, и это означает, что следующие прилетят уже очень скоро. В любом случае, горцам ловить уже нечего – они и до нас не добегут, лягут по дороге. Все, последний шанс ими упущен.

– Бросайте оружие! Тогда у вас еще есть возможность уцелеть!

Со звоном падает на камни первый меч...

Из кустов за спинами врага появляется несколько фигур. У троих в руках арбалеты. Коты! Вот кто конникам в задницу болтов насовал! Вовремя весьма, надо сказать... Бегущий впереди Лексли оттирает в сторону поскучневших горцев и зловеще оскаливается. Видок у него... тот еще, и на них это действует. Сбившись в кучку, понурые фигуры послушно отходят туда, куда им указано.

– Ну?! Как тут у вас? – осматривает старший Кот наши ряды. – Неслабо досталось...

– Пойдем, – тащу его на верхушку холма.

Пробитый стрелой солдат лежит около дерева.

– Вот, – показываю на него рукой. – Он меня от стрел закрыл...

– Бывает... – неопределенно выражается Лексли. – А ты чего ждал? Ты – лорд, спасти от смерти сеньора – первейшая обязанность каждого солдата.

– Но...

Даже не знаю, чего и сказать. В словах Кота есть суровая правда, да и у нас это так же бывало. Но чтобы вот так кто-то спасал меня? Чувствую себя не в своей тарелке.

– Надо узнать его имя... семью не забыть. Помочь им нужно.

Сержант одобрительно кивает.

– Это да. Хорошо придумано! О таком случае будут говорить! Лорд подумал о семье погибшего солдата! Подобные вещи солдатами ценятся.

– Да ладно... я совсем другое в виду имел. Им ведь теперь трудно будет...

– А ты не зачерствел! – одобрительно кивает Лексли. – Нечасто подобное случается... обычно по-другому бывает...

– Ну, знаешь ли! Я еще не оскотинел до такой степени!

Кот одобрительно хлопает меня по плечу.

– Не кипятись! Я знаю. А вот для многих это будет неожиданностью.

– Кстати! А как твои успехи?

– Мы отловили одного из их командиров. Не самого главного, но тут уж можешь сказать спасибо стрелкам! Главному вlepили болт прямо под лопатку. Если бы он хоть с коня не сверзился... так спиной на болт и упал.

– Говорить станет?

– Надо будет – запоет! Заодно с приплясыванием! То, что они сделали, однозначно карается смертью. Везде и всюду. Войны у нас нет, так что с чистой совестью можешь считать их всех обычными разбойниками. А с ними разговор короткий – в петлю и на солнышко!

Внизу раздается топот копыт, и на поляну вылетают несколько всадников. Кого это черти принесли? Передний из них осаживает коня и поднимает забрало. Командир пехотинцев!

Притормаживая на скользкой тропке, спускаемся вниз.

– Милорд... – отвечает мне вежливый поклон капитан Байер. – Я не опоздал? Мы спешили...

– Вы прибыли вовремя, капитан! Это наша оплошность, что горцы отправили сюда нескольких всадников. Увы... мы были слишком самонадеянны...

Капитан зорким и внимательным взглядом профессионала окидывает подножье холма. Одобрительно кивает, разглядывая нашу импровизированную баррикаду.

– Сколько у вас было солдат, милорд?

– Вместе с монахами – чуть больше десятка.

– А нападающих?

– Десятка три...

– Окольчуженных кавалеристов. Однако!

Он снова кланяется. На этот раз – с неприкрытым уважением.

– Отдаю должное вашему умению воина, милорд! Я и сам не сумел бы сделать лучше!

– Право, капитан, не преувеличивайте. Уж как ваши солдаты держат строй... вот чему учиться надо. Ей-богу, никогда не видел ничего подобного. Слышать – приходилось, но чтобы своими глазами увидеть...

Байер улыбается.

– Мы профессионалы, милорд! Плохой солдат и живет недолго... – он окидывает меня быстрым взглядом, – и стоит дешево.

А он не только в бою профи! Выгоды своей не упустит. Ну, и ладно – заслужил.

На упавшем дереве, нахохлившись, сидит грузный мужик. Доспехов с него не сняли и по ним видно, что дядя не из простых. Руки связаны за спиной, на поясе болтаются пустые ножны – оружия ему не оставили.

Подтаскиваю к нему седло, снятое с убитой лошади, и сажусь напротив.

– Ну, что, голубчик? Чем порадуешь?

Мужик окидывает меня мрачным взглядом и отворачивается. Говорить ему неохота.

– Рогом будешь упираться? Ну-ну... поупирайся... до замка.

Он неожиданно развеселился.

– До замка? Ха! Давай-давай!

И снова отворачивается.

Отхожу в сторону и ловлю Лексли за рукав.

– Слушай, что-то мне этот дядя не по душе... Уж больно самоуверенный.

– Ну, рога-то мы ему пообломаем!

– Не в этом дело!

Коротко пересказываю ему свои впечатления и возникшие подозрения. Кот согласно кивает.

– Ты прав. У солдат капитана есть клетка с голубями. Надо будет написать барону...

Наскоро перевязав раненых, отряд выступил в обратный путь. Наносить визит вежливости к барону отправился Лексли, прихватив в дополнение к своим силам еще десяток лучников и столько же латников.

Трофейных лошадей у нас хватало, так что для перевозки раненых на скорую руку соорудили несколько пар конных носилок. Всего-то и делов – рама с ремнями, подвешенная на растяжках между двумя лошадьми. Поверх растяжек – кусок ткани, в данном случае – солдатский плащ. Двух-трех человек подобная конструкция поднимает легко, лошади, удерживаемые поперечной оглоблей, идут ровно и не рыскают. Кони в обыденной ситуации, как правило, идут спокойно, носилки не встряхивает особо – чай не телега. Интересное дело, но, как оказалось, такой девайс до меня тут никто не применял. Байер с интересом рассматривал эту несложную конструкцию и одобрительно прицокивал языком.

– Полезная вещь, милорд! Мне уже не придется отвлекать для этого своих солдат. Телеги-то не всегда под рукой бывают...

– Дарю идею, капитан! Придем в замок, распорядюсь, чтобы вам сделали десяток подобных устройств. И не из подручных палок и солдатских плащей, а крепко!

– Благодарю, милорд! – вежливо наклоняет он голову. – Да и солдаты их уже оценили...

Это он, кстати говоря, верно подметил. Я уже пару раз замечал уважительные взгляды его бойцов. Блин, вот так и приобретаешь популярность в глазах местного населения... Надо будет и попам про это рассказать, пусть не только солдаты этим прибабасом пользуются. Целителям он, между прочим, тоже к месту будет...

Солнце уже встало достаточно высоко, и под ногами отряда запыхнула подсохшая земля. Отыскав среди трофейного барахла пару бочонков с вином, даю приказание угостить раненых, да и про прочих солдат тоже забывать не след. Настроение еще больше повысилось, даже на душе перестали точить когти мрачные кошки. Грешным делом, я здорово напрягся, услышав слова нашего пленника. Черт их знает, горцев этих... мало ли какую каверзу они еще могут измыслить? Замок – он, конечно, строение серьезное... но как-то же и их брали? Правда, для этого нужно намного более серьезное войско, чем две-три сотни всадников... тайком провести их сюда не так и легко. Однако же те, которых мы разбили, прошли? А где сотня, там и две... и три...

Встряхиваю головой, отгоняя мрачные мысли и, пришпорив коня, догоняю капитана. Он едет впереди колонны. В пятистах метрах перед ним двигается передовой дозор, внимательно осматривающий дорогу и прилегающий лесок.

– Опасаетесь засады, капитан?

– Осторожность не бывает лишней, милорд!

– Эт точно! Береженого бог бережет, а небрежного – конвой стережет!

Байер удивленно тарашит глаза – не ожидал услышать от лорда эдакую поговорку. Но, поразмыслив, кивает.

– Да, милорд! Не буду с вами спорить. У меня и сзади такой же дозор едет.

– А по бокам?

– Здесь тесно, милорд. Скалы стоят близко к дороге, засаду спрятать некуда. А если кто поднимется наверх... вы видели, как мы умеем стрелять. Да и плохие тут скалы, обветренные, камней слабых много... опасное это дело – лезть здесь на гребень.

– Знаете эти места, Байер?

– Я здешний уроженец. Вырос неподалеку отсюда, ногами исходил почти все графство. А в пятнадцать лет ушел... Отец умер, и барон назначил нового лесничего. Мне не осталось места в родном доме.

– Бывает... Дом-то давно свой видели?

– Совсем не видел. Что я там потерял? Вот мой дом, – он указывает на колонну солдат. – Теперь – это моя семья.

– Давно воюете?
– Почти десять лет.
– Seriously...
– Такова жизнь, милорд.
– Не приходило в голову остепениться, построить дом... завести жену, детей?
– Где, милорд? В стране не так уж и много хороших земель! А те, что пригодны для жилья... имеют своих хозяев. Да и какой из меня теперь лесничий? Что же до детей... они точно где-то есть!

– Ну... земли есть и у меня... Не знаю точно, как много, но есть! Даже города имеются!
Война не будет идти вечно, капитан.

Он цепким и наблюдательным взглядом окидывает меня всего.

– Спасибо... милорд...

Некоторое время мы едем молча.

– По правде сказать, милорд... не ожидал. Я слышал о вас многое, некоторые вещи... меня... нас напрягали. Даже очень! Пойти на службу к Серому! Это, знаете ли... Проще уж выдержать еще одну такую атаку! Про вас, Серых, болтают разное...

– Кто же вас уговорил?

– Вы не поверите – ваша будущая жена.

Я аж поперхнулся от неожиданности.

– Кто?

– Она лечила нашего капрала. Парня укусила змея. Мы уже отправили за священником... но она успела раньше. Пока возилась с ним, ребята разговорились с Котами, которые с ней приехали. Разговор вышел интересный. Потом и она подошла... угостила меня своим хитрым напитком. Тем, который поднимает мертвых!

Представляю себе реакцию непривычного человека. Как отца Варшани вспомню, так морда непроизвольно в улыбку растягивается.

– Хм... ну... это, некоторым образом, и мое изобретение...

– Сейчас я это уже знаю, милорд. Они не успели еще уехать, как прибыл королевский гонец. Привез приказ о выступлении.

– Постойте, Байер, но ведь вы – не коронные солдаты!

– У нас на тот момент не было нанимателя. Вот нас и пригласил коннетабль короля. Это нормальное явление. В этом случае нам платит казна. Хотя и не так щедро.

– И что же было дальше?

– Мы начали сборы. И тогда Мирна спросила у меня – нравится ли мне деревня, где мы тогда стояли? Я ответил утвердительно. Мы были там уже полтора месяца. Не хамили, вели себя спокойно, деньги еще были... вы же понимаете, милорд, это тоже не так легко...

– Понимаю.

– Вот! У солдат там появились подружки, да и я сам... г-м-м! Да! Я спросил Мирну – почему мне надо запоминать это место? А она ответила, что когда мы уйдем, сюда могут прийти горцы... или кто-нибудь похуже... Вот и запоминай, сказала она, пока есть что помнить!

– Это да... она может так сказануть.

– Вот... А вечером приехал-таки священник. И тоже... много чего сказал нам. Через два дня я послал к вам посыльного.

– И как? Не жалеете о своем решении?

– Мы солдаты, милорд! Если выйдем живыми из такой передрыги... то желающие нас нанять встанут в очередь!

Он искоса на меня смотрит – интересна реакция на эти слова. Я пока что молчу, ничем не высказывая своего к этому отношения. Явно капитан не все еще сказал, так не буду ему мешать.

– Да и кроме того... вы очень необычный наниматель, милорд!

– Я вообще человек непростой! А что же такого особенного вы заметили?

– Нас нанимали многие... И отношение тоже было... разным. Вот, взять хотя бы вашего командующего.

– Лэна?

– Ну да, барона. Он ведь вас искренне любит! И не он один!

– Да ладно вам, капитан... Я не женщина, чтобы меня любили.

– Возможно, я неправильно выразился, милорд, но вы поймете меня. Для моих солдат командир – как отец или старший брат. И они встанут на мою защиту без колебаний. А вот сегодня... Тот солдат на холме, вы его знали?

– Нет. Он из городского отряда, только недавно пришел в замок.

– Но он закрыл вас от стрел! И погиб. Он же должен был предвидеть такую возможность!

– Я поступил бы так же.

– В этом-то все и дело, милорд! У нас пока что не было таких нанимателей... Это необычно и непривычно. Генералы не заботятся о солдатах. А у вас... все не так.

Сказав это, Байер задумался. Я не лез к нему с расспросами, пусть хорошенько обдумает все, времени у нас пока хватает.

Вот уже потянулись знакомые места. Тут мы как-то проезжали, узнаю этот холмик. Стало быть, и до замка осталось не так уж и долго ехать. Часа два-три – и мы дома! Опять сероглазке хлопотать, обихаживая раненых. Хорошо, что рядом с ней монашки, они помогут. Все лучше, нежели в одиночку пахать.

– Капитан! Это ваш дозорный?

Из-за леса выметнулся всадник. Приглядевшись, Байер кивнул и выехал навстречу. Обменявшись несколькими словами, развернул коня и подъехал ближе.

– Милорд! Над замком дымы!

– Пожар?

– Не похоже... он не прогорел бы так быстро. Да и дыма в этом случае было бы куда больше, мы бы его издали увидели.

– Что же это может быть?

– Отправлю разведку – пусть посмотрят.

Обернувшись к колонне, Байер машет рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.